Русская Исторія.

-6- 6

Щукин, Н. С

ПОДВИГИ РУССКИХЪ НА РѢКѢ АМУРѢ,

ВЪ XVII СТОЛѢТІИ,

ОПИСАННЫЕ НА ОСНОВАНІИ ПОДЛИННЫХЪ БУМАГЪ ЯКУТСКАГО И НЕРЧИНСКАГО АРХИВОВЪ.

—

Въ южной Сибири пространство земли отъ Яблоноваго хребта къ востоку называлось встарину Дауріею. Это имя произошло отъ небольшаго тунгусскаго племени, обитавшаго по рѣкѣ Джи или Зеѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ Амуръ. Якутскіе казаки, посланные для завоеванія народовъ, обитающихъ по рѣкѣ Амуру, прежде всего нашли Дауровъ и всю страну, орошаемую рѣками Онономъ, Ингодою, Шилькою, Аргунью и Амуромъ, назвали Дауріею. Русскіе туземцы уже давно забыли это слово, но въ географіяхъ оно сохраняется вмѣстѣ съ небывалою Татаріею.

Страна, орошаемая рѣкою Амуромъ, нѣкогда принадлежала намъ по праву завоеванія, но уступлена Китаю по праву силь-

наго. Изъ прежней Дауріи остались за нами только земли, лежащія по теченію рѣкъ Ингоды и Онона до сліянія рѣкъ Шильки съ Аргунею.

Рѣка Амуръ, со впадающими въ нее рѣками, худо извѣстна Европѣ и даже Русскимъ, а потому скажемъ объ ней нѣсколько словъ, заимствованныхъ изъ географіи китайской, разсказовъ Китайцевъ, торгующихъ на Кяхтѣ и еще кое-какихъ бывакъ.

Мы воображаемъ рѣку Амуръ одною полосою воды, происшедшею отъ сліянія рѣкъ Шильки и Аргу́ни и впадающею въ Охотское море;—на дѣлѣ выходитъ не такъ. Нашъ Амуръ состоитъ изъ трехъ рѣкъ и каждая изъ нихъ имѣетъ свое названіе. Туземцы не знаютъ даже слова Амуръ; отъ чего произошло это ошибочное названіе увидимъ тотчасъ.

Рѣка Ингода̀ и Оно̀нъ, слившись, составили рѣку Шильку, или по туземному Силькаръ. Эга рѣка на пути своемъ принимаетъ рѣку Аргу́нь и течетъ подъ прежнимъ названіемъ до впаденія въ большую рѣку Сунгари или Шунгалъ. Сунгари впадаетъ въ рѣку Усури, а послѣдняя вливается уже въ Океанъ.

Русскіе въ первый разъ услышали о рѣкѣ Амурѣ отъ народовъ, обитающихъ по берегамъ Охотскаго моря и сообщили о томъ въ Якутскъ, а тамъ все протяженіе водъ отъ моря до рѣки Аргуни назвали Амуромъ, и хотя въ послѣдствіе времени убѣдились въ своей ошибкѣ, но имя присвоенное однажды, осталось неизмѣннымъ. Ни Китайцы, ни Манжуры не смѣшиваютъ трехъ рѣкъ въ одну: у нихъ Силькаръ до впаденія въ Сунгари называется Хэ-лунъ-цзянъ: т. е. рѣка чернаго дракона, Сунгари: Хунь-тхунь-цзянъ, а Усури: Ву-су-ли-хэ. Теперь слово Амуръ укоренилось въ книжномъ и разговорномъ языкахъ, станемъ же, для ясности, держаться его *.

Отъ впаденія рѣки Аргуни, гдѣ стоитъ нашъ караулъ *стрѣлка*, до бывшаго города Албазина, Амуръ течетъ между

* Слова наши не новость: въ донесеніяхъ завоевателей амурскихъ народовъ всегда говорится о трехъ рѣкахъ; на Китайскихъ картахъ соединеніе трехъ рѣкъ видно съ перваго взгляда.

горами, такъ что нѣтъ почти мѣстъ удобныхъ для поселенія. Въ горахъ этихъ бродятъ Тунгусы извѣстные подъ именемъ Орочоновъ и Мангировъ. Потомъ горы начинаютъ удаляться отъ береговъ и оставлять равнины: по косогарамъ показывается мелкой дубнякъ и орѣшникъ, дерева неизвѣстныя въ Сибири. Здѣсь встрѣчаются уже хижины при устьяхъ рѣчекъ; Манжуры, здѣсь обитающіе, заготовляютъ дрова и строевой лѣсъ. Отъ устья рѣки Джи или Зеи Амуръ течетъ прямо на югъ, берега его ровны и плодоносны. Жители занимаются преимущественно земледѣліемъ и обитаютъ въ небольшихъ селеніяхъ. Верстахъ въ 50 ниже устья Джи стоитъ единственный городъ на Амурѣ Сахалянъ—ула хотонъ. Китайцы говорятъ, что онъ тянется по берегу версты на четыре, на обоихъ концахъ имѣетъ по крѣпости. Верхняя состоитъ изъ двухъ рядовъ частокола, а нижняя сдѣлана изъ камня; на стѣнахъ лежатъ небольшія чугунныя пушки. Передъ городомъ островъ, позади котораго легко проплыть ночью, однако жъ для всякаго случая поставлена крѣпосца Айгунъ ниже острова на лѣвой сторонѣ Амура; она укрѣплена двойнымъ частоколомъ. Гарнизонъ въ обѣихъ крѣпостяхъ вооруженъ луками и стрѣлами, сабель очень мало, а ружей и совсѣмъ нѣтъ. Здѣсь растутъ на свободномъ воздухѣ дыни, арбузы и кукуруза, но есть-ли плодоносныя дерева Китайцы не знаютъ.

Далѣе сжимаютъ Амуръ утесы съ обоихъ береговъ; такія мѣста называются въ Сибири щеками. Тѣснина эта продолжается верстъ на сто, а за нею идутъ берега ровные, поросшіе камышемъ и высокою травою. Въ такомъ положеніи Силькаръ, или по нашему Амуръ, впадаетъ въ рѣку Сунгари, выходящую изъ Манжуріи. Отсюда начинаются берега совершенно ровные и продолжаются до впаденія Сунгари въ рѣку Усури. Постоянныхъ жителей нѣтъ, но лѣтомъ останавливаются здѣсь Тунгусы для рыбной ловли. Далѣе по ровнымъ берегамъ живутъ Натки небольшими селеніями; они питаются звѣриными и рыбными промыслами. Для зимней ѣзды содержатъ собакъ. Отсюда до моря идутъ берега возвышенные, покрытые лиственицею, кедрами, сосною, елью, то-

поленъ, осиною и березою: тутъ обитаютъ Гиляки, народъ независимый. Амуръ вливается въ заливъ, имѣющій ширины верстъ 30.

Рѣка эта судоходна отъ начала до конца, не имѣетъ пороговъ, изобильна рыбою, теченіе имѣетъ тихое, такъ что лодки поднимаются вверхъ на веслахъ, дѣло неизвѣстное на прочихъ сибирскихъ рѣкахъ. Земля на берегахъ хлѣбородная, а въ лѣсахъ водятся отличныя соболи и другіе звѣри.

Описавъ по мѣрѣ возможности рѣку Амуръ, разскажемъ какимъ образомъ забрались сюда Русскіе и овладѣли всею рѣкою.

Сибирское царство было уже покорно Россіи отъ горъ Уральскихъ до рѣки Енисея, но далѣе къ востоку была земля невѣдомая и народы незнаемые.

Въ 1620 году казаки изъ Мангазейскаго острога съ рѣки Енисея перебрались черезъ хребетъ на рѣку Вилюй. Рѣка эта выходитъ изъ горъ, сопровождающихъ правой берегъ Енисея, течетъ прямо на востокъ и впадаетъ въ рѣку Лену. Здѣсь нашли неизвѣстный имъ народъ, богатый скотомъ и соболиными шкурами. То были нынѣшніе Якуты, племя турское, переселившееся сюда изъ верховья рѣки Енисея. Казаки по Вилюю выплыли на Лену, и обитающихъ по ней Якутовъ, обложили ясакомъ. Въ 1632 году заложенъ Якутскъ, а въ 1640 году управлялъ имъ уже стольникъ и воевода Петръ Петровичъ Головинъ.

Между тѣмъ завоеванія продолжались все далѣе и далѣе къ востоку. Казаки, плавая по рѣкамъ, находили жителей, облагали ихъ ясакомъ и выспрашивали о народахъ, обитающихъ далѣе. Въ 1636 году одна изъ таковыхъ партій, поднимаясь по рѣкѣ Алдану, поворотила въ рѣку Маю и съ вершинъ этой рѣки перешла черезъ горы на рѣку Улью и спустилась по ней въ Охотское море. Тутъ нашли Тунгусовъ, пришедшихъ съ рѣки Уди, впадающей въ Охотское море южнѣе Ульи, отъ нихъ услышали вѣсть необыкновенную. Тунгусы разсказывали, что они мѣняютъ своихъ соболей на хлѣбъ народамъ, живущимъ осѣдло по берегамъ рѣкъ Джи и Силимжи, что рѣка Джи впадаетъ въ Силькаръ, этотъ

въ рѣку Мамуръ или Амуръ, а послѣдняя вливается въ море. Потомъ сказывали о народѣ осѣдломъ и земледѣльческомъ, обитающемъ по рѣкѣ Омуту; что народъ этотъ привозитъ къ Наткамъ, обитающимъ въ нижнихъ странахъ по Амуру, золото, серебро, мѣдные котлы, бисеръ, шелковыя и бумажныя ткани, которыхъ однако жъ самъ не дѣлаетъ, а получаетъ отъ другаго народа. Казаки донесли объ этомъ въ Якутскъ, гдѣ изъ показанія столь неяснаго и сбивчиваго составили понятіе о великой рѣкѣ Амурѣ, впадающей въ море. Можетъ-быть Тунгусы назвали ее иначе, но Русскіе, мастера на передѣлку иностранныхъ словъ по-своему, сочинили неизвѣстное туземцамъ слово Амуръ и заставили потомковъ углубляться въ изысканія о происхожденіи этого слова. Такимъ образомъ ошибочное названіе рѣки осталось за нею навсегда, и хотя въ послѣдствіе времени завоеватели наши писали якутскимъ воеводамъ, что на Амурѣ не слыхали про рѣку Амуръ, но они не находили надобности перемѣнять названіе, къ которому привыкли *.

Извѣстіе о народахъ, у которыхъ есть золото, серебро и шелковыя ткани, взволновало Якутскъ; не знали вѣрить или нѣтъ казакамъ; какъ вдругъ эта вѣсть подтвердилась съ другой стороны и гораздо полнѣе.

Въ 1638 году енисейскій атаманъ Максимъ Перфильевъ посланъ былъ съ партіею казаковъ *провѣдать* рѣку Витимъ. Рѣка эта выходитъ изъ Яблонова хребта, течетъ на сѣверъ и впадаетъ съ правой стороны въ Лену. Перфильевъ, поднимаясь бичевою по Витиму, не успѣлъ добраться до вершинъ этой рѣки и долженъ былъ зимовать на пустомъ мѣстѣ. На другое лѣто онъ пошелъ впередъ и попалъ въ рѣку Цыпу, вытекающую изъ озера Баунта. Здѣсь узналъ онъ отъ Тунгусовъ, что далѣе за горами течетъ большая рѣка Силькаръ, по ней живутъ Дауры, ими владѣютъ два князя Лавкай и Батога; бой у нихъ *лучной и огненной*. Народъ этотъ

* Можно догадываться, что рѣка, извѣстная намъ подъ именемъ Амура, носитъ имя это близъ устья своего; вѣроятно слово Мамуръ или Амуръ гиляцкое. Впрочемъ и въ манжурскомъ языкѣ есть похожее на Мамуръ слово *Моморэмби*, медлю.

богатъ скотомъ и хлѣбомъ, добываетъ серебро и мѣняетъ его Тунгусамъ на соболей, а ихъ продаетъ другому народу, отъ котораго получаетъ шелковыя ткани и другіе товары.

Пока въ Якутскѣ толковали о томъ какъ бы этихъ Дауровъ, столь богатыхъ, прибрать къ рукамъ, пріѣхалъ воевода Головинъ. Онъ понялъ важность этого дѣла и для покоренія Дауровъ отправилъ двѣ экспедиціи. Первая, подъ начальствомъ письменнаго головы Еналея Бахтеярова, пошла по рѣкѣ Витиму, а другая подъ предводительствомъ атамана Василья Пояркова избрала путь по рѣкѣ Алдану. Бахтеяровъ поднимался по Витиму далѣе Перфильева, но пробраться на Амуръ ему не удалось, вѣроятно потому-что Тунгусы, обложенные имъ ясакомъ, не знали этого пути, или не смѣли указать его. Бахтеяровъ возвратился въ Якутскъ на другое лѣто съ ясакомъ и чертежемъ рѣки Витима.

Вторая экспедиція была счастливѣе. Письменный голова Василій Поярковъ отправился изъ Якутска 15 іюля 1643 года; съ нимъ было 140 человѣкъ стрѣльцовъ, казаковъ и промышленныхъ. По Ленѣ спустились они до устья рѣки Алдана и по этой рѣкѣ пошли бичевою. Вожатыми ихъ были Тунгусы, которыхъ брали на пути ласками и угрозами. Черезъ четыре недѣли пришелъ Поярковъ къ устью рѣки Учура, впадающей въ Алданъ. По Учуру шли они 10 дней и поворотили въ рѣчку Гонамъ, мелкую и порожистую. Пять недѣль мучились казаки въ этой рѣчкѣ: разбирали пороги, запружали рѣчку досками и подавались впередъ, но зима остановила ихъ дѣятельность. Удальцы построили зимовье, ходили на охоту, дѣлали сани или нарты для предстоящаго путешествія: о возвратномъ пути никто не думалъ. Въ концѣ зимы, Поярковъ оставилъ здѣсь часть своей команды, провіантъ и воинскіе снаряды, а самъ съ небольшою партіею пошелъ на лыжахъ черезъ Яблоновый хребетъ. Тяжести везли казаки на саняхъ. Три недѣли шли они по глубокому снѣгу, перевалились черезъ горы и вышли на рѣку Брянду, впадающую въ рѣку Джи или Зею. Въ ожиданіи вскрытія рѣкъ построили судно и полою водою спустились въ рѣку Пжи. Продолжая путь по рѣкѣ, они въ перывй разъ увидѣ-

ли осѣдлыхъ жителей на устьѣ рѣчки Умлекана, занимающихся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Люди эти назывались Даурами (Дагўръ).

Здѣсь остановились Русскіе въ ожиданіи своихъ товарищей, оставшихся на рѣчкѣ Гонамѣ. Дауры приняли ихъ благосклонно, снабдили съѣстными припасами, но вскорѣ измѣнили свое обращеніе. Можетъ-быть гости и сами въ томъ были виноваты. Начались непріязненныя отношенія. Поярковъ былъ малосиленъ, Дауры принудили его отступить и защищаться, провіанту не было: онъ потерялъ до 50 человѣкъ отъ голоду и болѣзней.

Отъ Дауровъ получены свѣдѣнія болѣе положительныя о народахъ, обитающихъ по рѣкѣ Амуру. Казаки узнали, что кромѣ извѣстныхъ имъ князей Лавкая и Батоги, есть ханъ Борбой; онъ живетъ въ городѣ, обнесенномъ деревянною стѣною и землянымъ валомъ. Ему подчинены всѣ окрестные народы. На непокорныхъ посылаетъ онъ по двѣ и по три тысячи войска. У побѣжденныхъ беретъ Аманатовъ. *Бой у него лучной и огненной.* Съ покорныхъ собираетъ ясакъ соболями; скота и хлѣба у него много; изъ послѣдняго курятъ вино. Князь Лавкай живетъ отъ устья рѣкѣ Джи вверхъ по Амуру.

Поярковъ дождался товарищей своихъ, построилъ судно и поплылъ внизъ по рѣкѣ Джи. На пути онъ видѣлъ небольшіе даурскіе острожки, много пашенъ и скота. Наконецъ онъ вышелъ и въ давно желанную рѣку Амуръ; берега ея показались ему обѣтованною землею, и не мудрено: Русскіе увидѣли здѣсь пашни, яблоки, груши и орѣхи. Разсказъ о плодоносныхъ деревахъ сомнителенъ: не разумѣетъ ли нашъ странствователь сибирскія яблочки и персики, дико растущіе въ Дауріи.

Въ это время по берегамъ Амура жили мелкія тунгусскія племена, имѣвшія разныя названія по родамъ; ими управляли князьки, платившіе дань манжурскому владѣльцу, обитавшему въ городѣ на рѣкѣ Нони, или по нашему Науну. Этотъ владѣлецъ зависѣлъ отъ хана дома Манжу, тогда усилившагося и занявшаго Китай. Обитатели Амура жили осѣдло,

занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, звѣриными и рыбными промыслами. Владѣльцы ихъ жили въ деревянныхъ городкахъ; огнестрѣльнаго оружія не имѣли.

Поярковъ кажется не думалъ о завоеваніяхъ, а рѣшился только *провѣдать* рѣку Амуръ; онъ пустился по теченію этой рѣки и въ три недѣли пришелъ къ тому урочищу, гдѣ рѣка Амуръ впадаетъ въ рѣку Сунгари, по его Шунгалъ. Поярковъ называетъ Амуръ Силькаромъ и не смѣшиваетъ его съ другими рѣками. Здѣсь онъ остановился, но, чтобъ узнать далеко ли море, послалъ 25 человѣкъ изъ партіи своей внизъ по рѣкѣ; изъ нихъ воротились только двое, остальные убиты Дучерами, тамошними обитателями.

Отсюда плылъ Поярковъ 6 дней до рѣки Усури, въ которую впадаетъ Сунгари. Вездѣ жили Дучеры; за ними обитали Натки, а потомъ уже до самаго моря Гиляки. Въ четыре недѣли приплыли они въ устье рѣки Амура и остановились тутъ зимовать. Гиляки, здѣсь обитавшіе, были обложены ясакомъ и объявлены подданными Бѣлаго Царя. Поярковъ говоритъ, что народъ этотъ никому неподвластенъ и управляется своими князьками.

Здѣсь провели Русскіе всю зиму, плыть назадъ по Амуру вѣроятно не смѣли, но рѣшились возвратиться въ Якутскъ другою дорогою: имъ извѣстно было, что рѣка Улья впадаетъ въ море, а съ вершинъ этой рѣки можно пробраться черезъ горы въ рѣку Маю, потомъ въ Алданъ и въ Лену. Поярковъ пустился въ море, держась берега: 12 недѣль носило ихъ по Океану и выкинуло на берегъ. Судно разбилось, а странствователи пришли пѣшкомъ на устье рѣки Ульи, тамъ стояло зимовье, построенное прежними казаками. Здѣсь провели часть зимы, а потомъ на лыжахъ отправились къ вершинамъ рѣки Маи. До вскрытія рѣки построили судно и по Алдану спустились въ Лену. Въ Якутскъ возвратился Поярковъ въ 1646 году съ 12 сороками соболей, гиляцкими аманатами, огромнымъ описаніемъ своихъ походовъ и чертежемъ рѣкъ, имъ пройденныхъ. Онъ говоритъ, что если на Амуръ отправить 300 человѣкъ и построить три острожка

съ 50 человѣками гарнизона въ каждомъ, достальные покорятъ всѣхъ народовъ, тамъ обитающихъ.

Вотъ первый подвигъ Русскихъ на Амурѣ, ознаменованный необыкновенными трудами нашихъ предковъ, но съ другой стороны онъ полезенъ тѣмъ, что мы провѣдали эту рѣку, узнали ея жителей, силу ихъ и произведенія земли; узнали, что непріятель можетъ довольствовать наше войско хлѣбомъ и скотомъ, а это условіе весьма важно при началѣ войны въ землѣ непріятельской.

Появленіе Русскихъ на Амурѣ было для туземцевъ происшествіемъ неожиданнымъ и сверхъ-естественнымъ. Они въ первой разъ увидѣли огромныхъ людей съ длинными волосами и бородами; объ огнестрѣльномъ оружіи они имѣли уже понятіе; но ихъ страшилъ одинъ видъ ужасныхъ пришельцевъ: они не считали ихъ за людей обыкновенныхъ и назвали Русскаго Лѣшіемъ (Лоча) духомъ лѣснымъ. Такъ величаетъ насъ теперь вся сѣверовосточная Азія, такъ называлъ и Китай до-тѣхъ-поръ, пока не ознакомился съ нами совершенно и перемѣнилъ прежнее названіе на Олосъ, т. е. Оросъ.

Мысль о покореніи амурскихъ странъ сдѣлалась господствующею въ Якутскѣ, но трудность пути и недостатокъ силъ удерживали нашихъ предпринимателей воеводъ. Между тѣмъ какъ продолжалась переписка о рѣкѣ Амурѣ съ Москвою, найдена въ Даурію другая дорога, короче прежней. Въ Лену впадаетъ съ правой стороны рѣка Олёкма; она выходитъ на югѣ изъ хребта, который отдѣляетъ систему водъ амурскихъ отъ ленскихъ. Въ 1647 году артель звѣровщиковъ, поднимаясь по этой рѣкѣ, изобилующей соболями, дошла до устья рѣки Тугира. Встрѣтившіеся съ Русскими Тунгусы объявили, что съ вершинъ Тугира переходятъ они черезъ хребетъ на рѣку Уру, а эта рѣка впадаетъ въ Силькаръ, гдѣ живутъ князья Лавкай и Батога. Вѣсть эта была по сердцу якутскимъ воеводамъ, въ томъ же году они отправили на Олёкму нѣсколько служивыхъ съ тѣмъ, чтобъ они провѣдали путь на Амуръ, построили на рѣкѣ Тугирѣ зимовье и обложили ясакомъ тѣхъ Тунгусовъ, которые попадутся. Въ первое лѣто служилые успѣли только придти на

Тугиръ и построить зимовье; на другой годъ перешли за хребетъ и открыли желанную рѣку Уру. * По этой рѣкѣ шли они пѣшкомъ, наблюдая осторожность, чтобъ не попасть на какой-нибудь даурскій улусъ и успѣли пробраться на Амуръ ниже устья рѣки Уры. Здѣсь увидѣли они плотъ; охранявшій его Тунгусъ объявилъ, что на такихъ плотахъ приплываютъ они изъ верховья рѣки Силькара сюда за хлѣбомъ и, купивши его, возвращаются зимою по льду; что до города, въ которомъ живетъ Лавкай, день пути. Казаки не смѣли приблизиться къ Лавкаевой столицѣ, но вымѣряли только глубину и ширину рѣки Амура и, возвращаясь на Тугиръ, дѣлали на деревахъ засѣки или замѣтки для будущихъ походовъ.

Въ это время жилъ на Ленѣ, около киренскаго острога, выходецъ изъ Устюга Великаго Ерофей Павловичъ Хабаровъ, человѣкъ богатый и предпріимчивый. Сперва онъ занимался хлѣбопашествомъ около Енисейска, но въ 1638 году набралъ 27 человѣкъ покрученниковъ (работники, которымъ плата дана впередъ), взялъ изъ казны 2000 пудовъ хлѣба, рыболовныя сѣти, бархатные кафтаны, суконъ и мѣди въ кускахъ; всего на 1504 рубля и пустился на Лену торговать и ловить соболей. Пребываніе свое устроилъ онъ, какъ можно полагать недалеко отъ нынѣшняго Киренска, въ деревнѣ Хабаровой. Здѣсь онъ развелъ пашни, посылалъ своихъ покрученниковъ на ловлю соболей и недалеко отъ устья рѣки Куты построилъ соловаренный заводъ, который отняли однако жъ въ казну. Неизвѣстно, былъ ли онъ самъ на Олёкмѣ или его звѣровщики нашли дорогу на Амуръ, только видно, что онъ имѣлъ хорошія свѣдѣнія о князьяхъ Лавкаѣ и Батогѣ и народахъ, на рѣкѣ Силькару обитающихъ. Старый *опытовщикъ* Ерофей Хабаровъ ** составилъ планъ завоеванія рѣки

* Кажется эта рѣка называлась потомъ Амазуромъ или большою горбицею (Кербече).

** Опытовщикъ едва-ли незначитъ предприниматель, аферистъ. Наши юные писатели, не имѣющіе времени заниматься чтеніемъ скучныхъ историческихъ документовъ, отвергаютъ существованіе Хабарова и говорятъ, что онъ извѣстенъ только по преданіямъ. Мы указываемъ на историческіе акты археологической коммисіи и № 1 Сына Отечества 1840 года.

Амура и въ мартѣ мѣсяцѣ 1649 года явился въ Илимскъ, къ зимовавшему тамъ новому якутскому воеводѣ Францбекову. Онъ подалъ ему челобитную, за своеручнымъ подписаніемъ, въ которой объяснялъ, что въ прошлыхъ годахъ посыланъ былъ на князей Лавкая и Батогу письменный голова Еналей Бахтеяровъ, но онъ не зналъ настоящаго пути на Амуръ, а шелъ по рѣкѣ Витиму. Теперь же Хабаровъ нашелъ прямой путь во владѣнія этихъ князей по рѣкѣ Олёкмѣ, почему проситъ о дозволеніи набрать партію въ 150 человѣкъ, или сколько собрать можетъ; съ ними пойдетъ онъ на Амуръ рѣку противъ князей Лавкая и Батоги, и если удасться покорить тѣхъ захребетныхъ непослушниковъ, то Государю прибыль будетъ большая. Артель свою берется Хабаровъ довольствовать на свой счетъ хлѣбомъ, порохомъ, свинцомъ и оружіемъ, берется построить суда, вооружить ихъ; словомъ не проситъ у казны никакого пособія, кромѣ дозволенія набирать охочихъ людей.

Планъ этотъ найденъ уважительнымъ, и Хабарову дана наказная память (наставленіе), въ которой между прочимъ было сказано: идти ему по рѣкамъ Олёкмѣ и Тугиру на рѣку Шильку, на государевыхъ непослушниковъ князей Лавкая и Батогу и на ихъ улусныхъ людей. Дорогою идти сторожливо и дѣйствовать вооруженною рукою тогда только, когда иноземцы откажутся отъ добровольнаго покоренія. Во всѣхъ случаяхъ поступать благоразумно, чтобъ Государю было прочно и стоятельно, а покореннымъ не въ тягость. Своихъ же подчиненныхъ отъ всякаго дурна унимать. Когда же придутъ на рѣку Шильку, то въ приличномъ мѣстѣ поставить острожикъ и отсюда ходить въ походы. Если же князья Лавкай и Батога покорятся добровольно, то, обложивъ ихъ ясакомъ, оставить по-прежнему, обнадеживъ покровительствомъ Царя. Собранный ясакъ и людей, давшихъ присягу на подданство, записывать въ книгу. Со всѣхъ рѣкъ пройденныхъ снять чертежи и описаніе народовъ, тамъ обитающихъ.

Предпріятіе Хабарова напоминаетъ намъ завоевателя Мексики Кортеца. На свой счетъ набралъ онъ людей и взялся

довольствовать ихъ, единственно изъ надежды получить богатство силою и обманомъ отъ бѣдныхъ Американцевъ. У Кортеца было 500 солдатъ, артиллерія и ружья; но Хабаровъ шелъ противъ народовъ ему неизвѣстныхъ со 150 человѣками и безъ пушекъ. Правда что Кортецъ имѣлъ дѣло съ народомъ воинственнымъ и многочисленнымъ; онъ погибъ бы непремѣнно въ первомъ сраженіи, если бъ не выручила его конница, явленіе необыкновенное для Мексиканцевъ, воображавшихъ человѣка и лошадь однимъ существомъ. Но и Хабаровъ встрѣтилъ на Амурѣ огнестрѣльное оружіе, о существованіи котораго онъ слышалъ. У народовъ бываютъ какіе-то періоды открытій и завоеваній, отъ времени до времени появляются геніи, увлекающіе за собою современную толпу. Мы думаемъ, что времена эти прошли, потому-что истощились матеріалы, нѣтъ, матеріалы всегда будутъ и есть; геній найдетъ ихъ подъ руками и произведетъ чудеса, которыхъ мы не могли и подозрѣвать. Духъ завоеваній и предпріятій господствовалъ у Русскихъ съ половины XVI до начала XIX столѣтія. Теперь онъ пріостановился и отдыхаетъ до появленія Ермаковъ, Хабаровыхъ, Дежневыхъ и Шелеховыхъ.

Весною 1649 года, Хабаровъ набралъ 70 человѣкъ охотниковъ, построилъ суда и по Ленѣ спустился къ устью рѣки Олёкмы; на пути пристало къ нему еще нѣсколько человѣкъ. Отсюда начинается трудный путь противъ теченія быстрой и порожистой рѣки Олёкмы. Какихъ трудовъ стоило провести судно по этой рѣкѣ бичевою, видно ужъ изъ того, что въ продолженіе лѣта онъ дошелъ только до устья рѣки Тугира, гдѣ и долженъ былъ зимовать. Хабаровъ, описывая трудность подъема по рѣкѣ Олёкмѣ, говоритъ, что въ порогахъ снасти рвало, слопцы ломало и людей ушибало, но Божіею помощію и Государевымъ счастіемъ дѣло кончилось благополучно.

Въ генварѣ 1650 года они поднялись съ зимовки и пошли на лыжахъ по льду рѣки Тугира; поклажу везли сами на легкихъ саняхъ (нарты) перевалились черезъ хребетъ и вышли на Амуръ выше устья рѣки Урки. Здѣсь начинались владѣнія

князя Лавкая: внизъ по Амуру стояли пять городовъ его одинъ за другимъ; они обнесены были деревянными стѣнами съ башнями, внизу были подлазы, или отверстія для вылазокъ; ровъ и валъ защищали стѣны.

Хабаровъ занялъ эти города безъ сопротивленія одинъ за другимъ: жители, увидѣвъ Русскихъ, садились на коней и удалялись въ слѣдующій городъ. Внутри городковъ были деревянные домы съ бумажными окнами. Третій изъ Лавкаевыхъ городковъ показался Хабарову надежнѣе прочихъ и онъ избралъ его мѣстомъ своего пребыванія.

Лишь только Русскіе остановились, какъ подъѣхали къ нимъ верхами пять человѣкъ. Тунгусъ, переводчикъ, объяснилъ, что одинъ изъ нихъ есть князь Лавкай, а прочіе его родственники; они спрашиваютъ за чѣмъ пришли сюда Русскіе. Хабаровъ велѣлъ сказать, что они купцы и желаютъ торговаться. Нѣтъ, отвѣчалъ Лавкай, я знаю что васъ идетъ 500 человѣкъ, а позади гораздо болѣе; вы хотите насъ убить, имѣніе наше отнять, а женъ и дѣтей въ полонъ взять. Тогда объявилъ ему Хабаровъ, что присланъ отъ великаго Царя и приглашаетъ ихъ въ подданство; если они покорятся добровольно и будутъ платить ясакъ, Царь возметъ ихъ подъ свое покровительство. Если такъ, отвѣчалъ Лавкай, желаніе ваше будетъ исполнено. Поворотилъ коня и скрылся.

Хабаровъ думалъ, что Лавкай придетъ къ нему съ ясакомъ, но ожиданіе его не исполнилось. Онъ пошелъ впередъ. Два городка Лавкаевы были пусты, въ послѣднемъ нашелъ онъ старуху, сестру Лавкаеву; она сказала, что была въ плѣну у князя Богдоя, но братомъ выкуплена; что князь этотъ богатъ и силенъ, пьетъ и ѣстъ изъ золотой и серебряной посуды; городъ его стоитъ на рѣкѣ Науни, укрѣпленъ землянымъ валомъ, на которомъ стоятъ пушки. Но есть другой царь, которому Богдой подвластенъ и платитъ дань. Получивъ такія свѣдѣнія, Хабаровъ понялъ, что съ его силами нельзя ничего здѣсь предпринимать, а потому возвратился въ избранный имъ городокъ. Тамъ нашли они много хлѣба въ ямахъ; бѣжавшіе Дауры не успѣли его взять. Здѣсь оста-

вилъ онъ 70 человѣкъ своей команды и отправился съ небольшимъ отрядомъ въ Якутскъ, для личныхъ объясненій, куда и прибылъ въ маѣ мѣсяцѣ.

Разсказъ Хабарова о благословенныхъ амурскихъ странахъ воспламенилъ воображеніе воеводы Францбекова и дьяка Степанова. Живучи въ Якутскѣ, нельзя было слышать хладнокровно о странѣ, которая производила чудесный хлѣбъ, отличныхъ соболей, а въ рѣкахъ водились огромныя рыбы. Государь пріобрѣталъ новыхъ подданныхъ, съ богатымъ ясакомъ, а этотъ ясакъ переходилъ черезъ руки воеводъ. Но Хабаровъ объявилъ, что съ такими средствами, какія у него, нельзя воевать съ народомъ многочисленнымъ, имѣющимъ огнестрѣльное оружіе и города.

Францбековъ понялъ важность этого дѣла, только не въ силахъ былъ исполнить предложенія Хабарова: онъ могъ только снабдить его двумя пушками, порохомъ, свинцомъ и двадцатью стрѣльцами; но далъ позволеніе набирать дорогою охочихъ и промышленныхъ людей сколько можетъ. При отправленіи вручены были Хабарову двѣ граматы, одна къ князю Лавкаю, а другая къ Багдою. Въ этихъ граматахъ воевода увѣщевалъ ихъ покориться добровольно и платить ясакъ великому Царю, за что обѣщалъ милость и покровительство. Что теперь посылаетъ онъ противъ нихъ приказнаго человѣка Ерофея Хабарова съ малыми людьми, для посольства и провѣданія, но въ случаѣ непокорности пойдетъ самъ съ 6 тысячами воиновъ, съ пушками и смертію накажетъ непослушныхъ. «А Государь нашъ Царь Алексѣй Михаиловичъ силенъ, великъ и страшенъ; но милостивъ и праведенъ, кровей неискатель. А у Государя въ одномъ сибирскомъ царствѣ ратныхъ людей многое множество, въ якутскомъ же острогѣ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Ленѣ Якуты, Тунгусы и Юкагиры къ ратному бою навычны и бьются не щадя головъ своихъ».

Хабаровъ набралъ 117 человѣкъ охотниковъ, такъ что вся его команда съ оставленными на Амурѣ простиралась до 300 человѣкъ, и съ этой-то горстью людей онъ надѣялся покорить Государю второе Сибирское царство. Между тѣмъ оставленные имъ на Амурѣ въ городкѣ товарищи выдержали

нѣсколько осадъ отъ Дауровъ, но отразили ихъ не только удачно, даже успѣли собрать съ окрестныхъ жителей ясакъ, который и послали въ Якутскъ, съ образцами хлѣба, произрастающаго на Амурѣ.

Хабаровъ пришелъ на Амуръ осенью 1650 года и, не теряя времени, пошелъ подъ городокъ князя Албазы. Дауры вышли на вылазку и бой продолжался съ полдня до вечера, но при всемъ томъ Хабаровъ не потерялъ ни одного товарища; стрѣлы ранили только 20 человѣкъ, за то огнестрѣльное оружіе Русскихъ произвело страшное опустошеніе въ рядахъ непріятельскихъ. Дауры бросились на коней и пустились внизъ по Амуру, а городъ свой оставили побѣдителямъ. Хабаровъ нашелъ тутъ много хлѣбныхъ запасовъ. Городъ показался ему крѣпче другихъ и ближайшимъ къ пути въ Якутскъ, а потому избралъ его мѣстомъ своего пребыванія. Этотъ городокъ, принадлежавшій князю Албазѣ, названъ Албазинымъ городкомъ.

Въ тотъ же день отправилъ Хабаровъ за бѣгущими Даурами 130 человѣкъ въ погоню, подъ командою Дунай Трофимова и Тренки Ермолина въ легкихъ стругахъ. Всю ночь плыли они, не встрѣчая ни одного селенія, на утро увидѣли городокъ, принадлежащій князю Атую. Русскіе однимъ появленіемъ навели такой страхъ на жителей, что они городъ свой зажгли и, бросившись на коней, ускакали внизъ по Амуру. Завоеватели пустились въ погоню и около полудня увидѣли непріятеля готоваго на бой. Русскіе ударили на нихъ колонною, произвели страшное опустошеніе и Дауры бѣжали, оставя побѣдителямъ 117 головъ скота. Нашъ уронъ состоялъ изъ девяти раненыхъ. 11 ноября побѣдители возвратились въ Албазинъ.

Спустя нѣсколько времени, Хабаровъ самъ отправился въ походъ: пушки и припасы везли на саняхъ. Девять дней шли они вдоль Амура и только въ десятый увидѣли даурскихъ князей съ огромною конницею. Бой продолжался съ утра до вечера: Дауры бѣжали.

Въ продолженіе зимы Хабаровъ построилъ новый городокъ «въ угожемъ мѣстѣ подъ волокомъ, гдѣ переходить

русскимъ людямъ пѣшею ногою только два дня», и въ томъ острогѣ оставилъ для пашни двадцать человѣкъ, да для привода въ покорность Дауровъ и сбора съ нихъ ясака 30 служилыхъ людей.

Трудно понять, о какомъ городѣ онъ говоритъ; тотъ ли этотъ городокъ, въ которомъ жили оставленные имъ товарищи во время поѣздки въ Якутскъ, или князя Албазы, гдѣ Хабаровъ укрѣпился, или онъ построилъ новый острогъ на устьѣ рѣки Горбицы, по-тогдашнему Уры, который впослѣдствіи сталъ называться по старой привычкѣ Албазинымъ; только дѣло въ томъ, что городъ Албазинъ основанъ Хабаровымъ, а не бѣглымъ полякомъ Черниговскимъ, какъ сказано въ Энциклопедичискомъ Лексиконѣ. Черниговскій возобновилъ только этотъ городъ, раззоренный Манжурами, о чемъ будетъ сказано ниже. Донесенія въ Якутскъ, писалъ Хабаровъ самъ, онъ былъ опытовщикъ, а не писака, происшествія у него такъ сливаются, что трудно отличить одно отъ другаго. За то ужъ ничего не пропущено: всѣ подробности изложены съ величайшею отчетливостію; за то въ каждомъ словѣ видна истина. Предки наши не якшались съ иноземцами, слѣдовательно не имѣли возможности научиться шарлатанству; ложь и обманъ почитали грѣхомъ смертнымъ.

На послѣднемъ бою взяли въ плѣнъ дѣтей и родственниковъ дучерскаго князя Шилгинея. Плѣнные въ распросахъ показали, что по Амуру, начиная съ вершинъ, живутъ по порядку слѣдующіе владѣльцы: Лавкай, Шилгиней, Албаза, Ату, Дезаулъ, Балбулай, Гагударь, Якорей, Шочканы. Всѣ они платятъ ясакъ богдойскому царю Шамшакану; царь же Шамшаканъ есть посаженникъ царя Алакабатуракана *, и собранный съ подвластныхъ князей ясакъ отсылаетъ къ нему. Шамшаканъ живетъ на рѣкѣ Нони, до жилища его съ Амура черезъ хребетъ двѣ недѣли пути верхомъ, а во-

* Вѣроятно Алаки-Батуръ-Ханъ.

дою по Амуру и прочимъ рѣкамъ четыре недѣли. По этимъ рѣкамъ стоятъ города каменные и деревянные съ пушками, но въ сраженіяхъ употребляются стрѣлы, копья и сабли. Во владѣніяхъ царя Шамшакана на рѣкѣ Шулимѣ есть гора, въ которой добываютъ серебряную руду. До нея съ Амура верховой ѣзды семь дней. Для охраненія этой горы стоитъ караулъ человѣкъ 500. Если кто хочетъ изъ руды выплавить серебро, тотъ платитъ хану часть выплавленнаго металла; дѣломъ этимъ занимаются Арары, обитающіе по рѣкѣ Шилиму. Въ этой же землѣ находятъ жемчугъ и *каменье дорогое*. Ниже по Амуру живутъ народы, которые Шамшакану не подвластны и ясаку никому не платятъ. Всѣ обитающіе въ вершинахъ Амура бѣгутъ отъ Русскихъ на низъ къ сильнымъ сосѣдямъ. Тутъ же обитаетъ съ родомъ своимъ князь Гантимуръ-Улапъ, онъ ни отъ кого не зависитъ и съ Русскими драться не станетъ, но будетъ платить ясакъ * Хабаровъ представилъ это показаніе въ Якутскъ съ мнѣніемъ своимъ, что Даурскою землею овладѣть можно и подъ царскую высокую руку привести, и та новая Даурская земля будетъ Государю второе Сибирское царство, а теперь даурскіе люди ждутъ себѣ обороны отъ царей Шамшакана и Алакабатуракана. А если Государь пожелаетъ овладѣть землями царей Шамшакана и Алакабатуракана, то послать въ ту землю большихъ ратныхъ людей, а хлѣба можно получить отъ Дауровъ хотя на продовольствіе 20,000 человѣкъ.»

Это простое, но правильное описаніе Дауріи и Манжуріи, при всей краткости своей, хорошо объясняетъ политическое положеніе народовъ и произведенія земли. Горы съ серебряною рудою достались потомъ Русскимъ, и это наши нерчинскіе заводы. Аквамарины, тяжеловѣсы и аметисты найдены въ тѣхъ же горахъ. Жемчужныя раковины добываются и теперь по рѣкамъ Манжуріи. Политическій составъ Манжуріи и донынѣ тотъ же: мелкіе владѣльцы подвластны силь-

* Этотъ князь перешелъ потомъ въ Россію съ 500 человѣками своихъ подданныхъ, былъ въ Москвѣ и получилъ княжеское достоинство. Потомки его существуютъ донынѣ.

нымъ владѣтельнымъ князьямъ, а они Богдо-Хану китайскому. Трудно, при нашихъ средствахъ добраться до настоящихъ именъ царей Алакабатурукана и Шамшахана. Ханъ ли это усилившагося тогда владѣнія Манжу и занявшаго Китай, или въ свою очередь зависѣлъ отъ этого дома? Какъ бы то ни было, Хабаровъ описалъ вѣрно тогдашнее состояніе народовъ, съ которыми имѣлъ дѣло.

Не должно забывать, что Хабаровъ отбиралъ вопросы отъ плѣнныхъ чрезъ Тунгуса, своего переводчика, разумѣвшаго, безъ всякаго сомнѣнія, худо по-русски и несовершенно понимавшаго нарѣчіе своихъ соплеменниковъ Дауровъ. Какъ послѣ этого не подивиться вниманію и проницательности нашего героя! *

О дѣлахъ Хабарова писано было изъ Якутска въ Москву въ сибирскій приказъ, а между тѣмъ набрано было 26 человѣкъ служилыхъ людей, 107 человѣкъ охочихъ и промышленныхъ съ ружьями, имъ дано пороху и свинцу 30 пудовъ, къ Хабарову посланъ писарь и стопа писчей бумаги. Отрядомъ этимъ командовали до прихода на Амуръ Тренка Чечегинъ и Ананій Руслановъ. Сдавъ команду и припасы Хабарову, они должны были отправиться къ царю Шамшакану съ граматою отъ якутскаго воеводы Францбекова и дьяка Степанова; они именемъ Царя Алексѣя Михаиловича приглашали его въ подданство, «а въ нынѣшнемъ году подвластные тебѣ князья Лавкай и прочіе хотѣли побить ратныхъ людей Царя Алексѣя Михаиловича, но отъ его ратнаго бою ваши люди стоять не могли, и тебѣ Царю Шамшакану не стоять и съ его Государя нашего людьми не биться и Государя нашего тѣмъ не прогнѣвать, а велѣть давать серебромъ, золотомъ, и самоцвѣтными каменьями и узурочными товарами, и мягкою рухлядью, что въ вашемъ Государствѣ родится, по вашей силѣ, какъ бы вамъ въ мочь».

* Можно подозрѣвать въ словѣ Шамшаканъ перваго китайскаго императора изъ дома Манжуровъ Шунь-чжи-хана, владѣвшаго въ это время всѣмъ китайскимъ государствомъ. Но жилище Шамшакана на рѣкѣ Нони противорѣчитъ истинѣ. Можетъ-быть толмачи перемѣшали разсказъ плѣнныхъ Манжуровъ.

Посольство это не выполнило своего назначенія: Дауры взялись доставить его къ царю Шамшакану, но дорогою убили посланныхъ.

На другое лѣто Хабаровъ пошелъ внизъ по Амуру на судахъ. Онъ проплылъ мимо выжженнаго даурскаго городка и двухъ пустыхъ улусовъ, вечеромъ приблизился къ тремъ городкамъ, стоящимъ одинъ подлѣ другаго и раздѣлявшимся только стѣнами. Они принадлежали тремъ князьямъ Гогударю, Олюмзѣ и Лютодиму. Князья эти, услышавъ о появленіи страшныхъ людей на Амурѣ, собрались въ одно мѣсто и построили три города. Стѣны были деревянныя, двойныя, набитыя внутри землею, кругомъ рвы и въ нихъ изъ городовъ подлазы. Дауры выступили на берегъ съ тѣмъ, чтобъ не позволить Русскимъ выйдти на землю, между ними было 50 человѣкъ Манжуръ съ ружьями, но лишь Русскіе сдѣлали залпъ изъ ружей и повалили 20 человѣкъ непріятелей, Дауры немедленно добрались въ первый городокъ свой и тамъ заперлись, а Манжуры побѣжали въ поле, откуда спокойно смотрѣли на происходившее, не подавая помощи осажденнымъ и не дѣйствуя противъ Русскихъ. Хабаровъ не обратилъ на нихъ вниманія, но рѣшился взять городъ.

Сперва онъ предложилъ осажденнымъ, чтобы сдались добровольно, но вмѣсто отвѣта они пустили такое множество стрѣлъ, что поле у городка казалось пашнею съ житомъ. Русскіе открыли по городу пальбу изъ трехъ пушекъ и къ утру сдѣлали подъ одною башнею проломъ, чрезъ который и ворвались въ городъ. Непріятель отступилъ и заперся въ другомъ городкѣ, который въ полдень былъ взятъ, наконецъ и третій городъ взяли приступомъ и всѣхъ Дауровъ перерубили. Убитыхъ оказалось 661 человѣкъ, Русскіе потеряли четверыхъ; раненыхъ было 45 человѣкъ. Въ плѣнъ взято женщинъ 243, дѣтей 118, лошадей 237, рогатаго скота 113 штукъ. Вотъ первая побѣда Хабарова надъ непріятелемъ, вдвое, а можетъ-быть и втрое противъ него многочисленнымъ, не имѣвшимъ огнестрѣльнаго оружія и храбрости.

Отъ плѣнныхъ узнали, что 50 человѣкъ Манжуръ, бывшіе спокойными зрителями происходившаго, суть подданные ца-

ря Шамшакана и живутъ здѣсь постоянно для сбора ясака и торговли, и что противъ Русскихъ они не воевали потому, что не имѣли на то приказанія отъ царя своего. На другой день явился къ Хабарову посланный отъ нихъ; онъ былъ одѣтъ въ шелковое платье и соболью шапку, говорилъ много, но Тунгусъ, толмачъ, могъ перевести только то, что Манжуры желаютъ быть въ мирѣ съ Русскими.

Здѣсь прожилъ Хабаровъ шесть недѣль, собирая ясакъ съ окрестныхъ жителей и приглашая князей въ подданство, но успѣхъ былъ незначителенъ. Онъ рѣшился плыть далѣе, взявъ съ собою лучшихъ лошадей, чтобъ при высадкахъ имѣть конницу. На другой день остановился онъ у пустаго городка и разослалъ во всѣ стороны людей провѣдывать. Отъ плѣнныхъ узнали, что противъ устья рѣки Джи или Зеи есть улусъ, въ которомъ княжитъ Какорей, а ниже недавно построенъ городокъ, въ которомъ живутъ князья Турунча, Толга и Омутей.

Хабаровъ плылъ до устья рѣки Зеи два дня и ночь; онъ нашелъ здѣсь только пустыя юрты. Подъ вечеръ увидѣли и желанный городокъ.

Онъ построенъ былъ наскоро, когда вѣсть о прибытіи Русскихъ разнеслась по Амуру, и служилъ убѣжищемъ всѣмъ окрестнымъ владѣльцамъ: сюда свезли они богатство свое и, считая себя въ безопасности, весело пировали на лугу за городомъ. Передовые Хабарова свободно вошли въ городъ, а между-тѣмъ подошли суда съ пушками и конница вышла на берегъ. Немедлено окружены были пировавшіе князья. Дауры бросились-было иные въ городъ, другіе на утекъ, но всѣ были изрублены. Князья заперлись въ юртахъ и начали отстрѣливаться, но посланный отъ Хабарова уговорилъ ихъ сдаться со всѣми старшинами улусовъ. Плѣнные отведены были въ городъ, гдѣ, давъ на вѣрность присягу, обѣщались платить ясакъ съ тысячи человѣкъ. Князей Турунчу и Толгу оставили у себя аманатами, а Омутея и прочихъ выпустили съ тѣмъ, чтобъ они спокойно жили въ своихъ улусахъ. Три недѣли продолжался миръ и согласіе, Дауры снабжали Русскихъ съѣстными припасами, водили дружбу, но вдругъ

всѣ убѣжали. Хабаровъ рѣшился, было здѣсь зимовать, но лишась возможности получать съѣстные припасы, долженъ былъ искать мѣста для зимнихъ квартиръ. Сожегши Толгинъ городокъ, взялъ съ собою князей и поплылъ далѣе. Князь Толга на другой день умертвилъ самъ себя.

Черезъ четыре дня приплыли они къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Амуръ пробивается между двумя хребтами; такія мѣста въ Сибири называются щеками. Чрезъ эту тѣснину плылъ Хабаровъ двои сутки, а потомъ еще два дня до рѣки Сунгари-Ула, или по-тогдашнему Шунгала. Народъ, обитающій выше и ниже щекъ, называетъ онъ Гагулами. Отъ рѣки Сунгари-Ули простираются на недѣлю плаванія жилища Дучеровъ. За ними живутъ Ачаны *. Гагулы и Дучеры занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но Ачаны питаются рыбою. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ рѣшился остановиться на зимовку въ большомъ ачанскомъ улусѣ, отъ котораго до кочевьевъ Гиляковъ считалось 10 дней пути.

Хабаровъ построилъ здѣсь укрѣпленіе, которое назвалъ ачанскимъ городкомъ. Сюда перевезли все что было на судахъ; а какъ въ хлѣбѣ чувствовали они недостатокъ, то и отправились 100 человѣкъ вверхъ по Амуру, 106 остались въ городѣ. Дучеры и Ачаны воспользовались этимъ раздѣленіемъ силъ; собравшись до 1000 человѣкъ, окружили городъ съ земли и стали зажигать его, но Хабаровъ вывелъ на вылазку 70 человѣкъ, подъ прикрытіемъ огня съ города изъ пушекъ и ружей, ударилъ на непріятеля и черезъ два часа обратилъ его въ бѣгство. Убитыхъ оказалось 117 человѣкъ; Русскіе потеряли только одного. Чрезъ два дня послѣ сраженія, возвратилась посланная партія съ большимъ запасомъ хлѣба.

Въ продолженіе зимы, Русскіе укрѣпляли свой новый городъ и собирали ясакъ съ жителей. Между тѣмъ разбитые на Амурѣ туземцы просили помощи у манжурскаго хана, своего повелителя. Онъ приказалъ подвластному князьку Изинею собрать до двухъ тысячъ войска, по бòльшей части коннаго, и взять Русскихъ живыхъ съ оружіемъ. Шесть пу-

* Поярковa Натки.

шекъ и 30 ружей безъ замковъ, но съ тремя и четырьмя стволами, нѣсколько глиняныхъ пинартъ, начиненныхъ порохомъ, для подорванія стѣнъ, были первыми огнестрѣльными орудіями, употребленными здѣсь противъ Русскихъ.

24 марта, рано по утру, когда наши удальцы еще спали, вдругъ пробудились они отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Эти звуки они услышали въ первый разъ на рѣкѣ Амурѣ, однако жъ вскорѣ пришли въ себя и стали отвѣчать непріятелю тѣмъ же. Осаждающимъ удалось сдѣлать проломъ и ворваться въ городъ, но, исполняя приказъ своего хана, захватить Русскихъ живыхъ, они сами были убиты, между-тѣмъ Хабаровъ поставилъ въ проломѣ мѣдную пушку, изъ которой столь удачно дѣйствовалъ при помощи ружей, что Манжуры отступили отъ города. Послѣ того вышли на вылазку 150 человѣкъ и сперва взяли двѣ чугунныя непріятельскія пушки, стоявшія ближе къ городу, а потомъ ударили съ саблями въ рукахъ на тѣхъ Манжуровъ, которые стрѣляли изъ ружей. Они были сломлены и изрублены, а остальные бѣжали.

Такимъ образомъ 206 человѣкъ Русскихъ разбили двухъ-тысячный корпусъ Манжуровъ, имѣвшихъ 6 пушекъ и ружья. Дѣло невѣроятное! Но храбрость и дисциплина всегда оказывали чудеса въ военномъ дѣлѣ. Мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ найдено 676; двѣ пушки, 17 ружей, восемь знаменъ, до 830 лошадей достались побѣдителямъ. Здѣсь уже нельзя сказать, что Русскіе имѣли на своей сторонѣ какой-нибудь вещественный перевѣсъ: оружіе съ обѣихъ сторонъ было равное. Превосходство въ силахъ было на сторонѣ Манжуровъ: они могли, какъ говорится, забросать Русскихъ шапками, но вѣроятно презирали слабыхъ противниковъ своихъ: это ихъ и погубило.

Блистательная побѣда не сдѣлала Русскихъ самонадѣянными, а напротивъ показала, что они удалились отъ своихъ пособій. Путь въ Якутскъ лежалъ по рѣкѣ, на берегахъ которой обитатели—народы, не совсѣмъ еще покоренные и готовые сдѣлаться врагами при первой возможности. Хабаровъ рѣшился возвратиться въ Албазинъ и, дождавшись тамъ подкрѣпленія изъ Якутска, дѣйствовать съ новыми силами. По-

строено было нѣсколько дощаниковъ, на которыхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пошли вверхъ по Амуру бичевою. Въ этомъ походѣ Русскіе погибли бы непремѣнно: одно счастіе спасло ихъ. На устьѣ рѣки Сунгари-Ула стояло 6,000 Манжуровъ и подвластныхъ имъ народовъ; они посланы были съ тѣмъ, чтобъ не позволять Русскимъ укрѣпляться на Амурѣ и раззорять построенные ими города. Манжуры, узнавъ, что Русскіе вышли изъ Ачанскаго городка и тянутся вверхъ по Амуру, караулили ихъ въ удобномъ мѣстѣ. Хабаровъ не зналъ о томъ, но фортуна была на его сторонѣ. Сдѣлался попутный вѣтеръ, и русскіе суда прошли мимо устья Сунгари-Ула на парусахъ по срединѣ рѣки.

Выше щекъ, о которыхъ уже было сказано, встрѣтился Хабаровъ съ посланнымъ къ нему изъ Якутска подкрѣпленіемъ, отправленнымъ подъ командою казаковъ Чечегина и Петриловскаго.

Чечегинъ зимовалъ на Амурѣ въ пустомъ Бембулаевомъ городѣ и въ началѣ весны, когда рѣка вскрылась, послалъ казака Ивана Нагибу съ 26 человѣками внизъ по Амуру искать Хабарова. Нагиба на пути своемъ по островамъ оставлялъ записки о своемъ пребываніи, но вѣроятно ночью разъѣхался съ Хабаровымъ. Приключенія Нагибы занимательны.

На четвертый день плаванія, окружили его Дауры въ лодкахъ; конница стояла по берегамъ; однако жъ напасть на него не смѣли. Въ кочевьяхъ Натковъ сказали ему, что Хабаровъ въ нижнихъ странахъ Амура. Нагиба поплылъ далѣе. Черезъ три недѣли онъ приплылъ въ землю Гиляковъ и былъ окруженъ ихъ лодками до такой степени, что не могъ идти ни взадъ, ни впередъ. Двѣ съ половиною недѣли стоялъ онъ на якорѣ посреди рѣки. Голодъ принудилъ его выйдти на берегъ; убивши до 30 человѣкъ непріятелей, онъ пробился до ихъ юртъ и, захвативъ сушившуюся тамъ рыбу, пошелъ на суднѣ своемъ далѣе. На третій день онъ достигъ устья Амура. Идти назадъ вверхъ по рѣкѣ онъ не смѣлъ. Рѣшено было построить судно и плыть моремъ до устья рѣки Ульи, гдѣ стоялъ русской острожикъ. Тринадцать дней плыли они благополучно подлѣ береговъ, но сильнымъ вѣтромъ унесло ихъ

въ море и черезъ десять дней выкинуло на берегъ; судно разбилось и утонуло со всѣмъ имуществомъ и воинскими снарядами. Пять дней шли они по берегу, питаясь травою, ягодами, персиками и выброшенными изъ моря мертвыми тюленями и моржами «и тѣмъ душу свою осквернили.» На устьѣ одной рѣчки построили они судно и пошли опять по морю до рѣчки Учальды, гдѣ встрѣтили Тунгусовъ и Гиляковъ, и тутъ остановились зимовать. Отсюда перебрались они на рѣку Тугуръ, впадающую въ Охотское море. Здѣсь обложили ясакомъ Тунгусовъ и построили тугурской острогъ. Нагиба оставилъ тутъ 20 человѣкъ своей команды, а самъ, съ 5 человѣками, спустился по Тугуру въ море и по немъ пришелъ къ устью Нантары. По этой рѣкѣ онъ поднялся до становаго хребта, перешелъ черезъ него на рѣчку Ваганъ. Здѣсь построилъ онъ судно, спустился въ рѣку Маи, потомъ въ Алданъ и наконецъ добрался до Якутска.

Мы привели это происшествіе, какъ образецъ твердости, терпѣнія и послушанія нашихъ предковъ, но подобныхъ примѣровъ множество въ исторіи завоеванія Сибири. Завистники говорятъ, что одна корысть была двигателемъ нашихъ предковъ. Бѣдняжки, вы не имѣете понятія о русской удали. Русской, оградивъ себя знаменіемъ креста, бросается на смерть съ крикомъ: двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать, полковникъ или покойникъ! Гдѣ же тутъ корысть вещественная?

Съ новымъ подкрѣпленіемъ, Хабаровъ смѣло продолжалъ путь вверхъ по Амуру, собирая ясакъ съ жителей; онъ рѣшился непремѣнно поставить новый городъ противъ устья рѣки Зеи, но происшествіе, совсѣмъ неожиданное, помѣшало исполнить это намѣреніе.

Трое изъ сослуживцевъ его, Степанъ Поляковъ, Константинъ Ивановъ и Логинъ Васильевъ взбунтовались, подобрали себѣ партію, лестью и угрозами, и, въ числѣ 136 человѣкъ, отправились внизъ по Амуру на трехъ дощанникахъ искать приключеній. Объ участи ихъ молчатъ архивныя бумаги; но есть основанія думать, что бѣглецы эти частію возвратились, частію побиты, и частію попались въ плѣнъ Манжу-

рамъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ отпискахъ въ Якутскъ весьма часто упоминается о Русскихъ, живущихъ въ Богдойскихъ владѣніяхъ.

Такимъ образомъ, у Хабарова осталось 212 человѣкъ; онъ отложилъ намѣреніе построить новый городъ и пошелъ вверхъ по Амуру. Послѣднее его донесеніе въ Якутскъ было отъ 5 августа 1652 года. Хабаровъ просилъ подкрѣпленія и увѣрялъ, что 6,000 человѣкъ Русскихъ разобьютъ всякую даурскую армію и въ короткое время покорятъ всѣхъ здѣшнихъ народовъ. Но такого количества невозможно было собрать въ Якутскѣ. Посланные отъ Хабарова отправлены были въ Москву, для личныхъ объясненій; но тамъ уже сдѣлано было распоряженіе по первымъ донесеніямъ якутскихъ воеводъ. На Амуръ назначенъ былъ князь Лобановъ-Ростовскій, а съ нимъ до 3,000 стрѣльцовъ и казаковъ. Хотя намѣреніе это не исполнено, однако жъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1652 года, посланъ былъ на Амуръ, предварительно для обозрѣнія, дворянинъ Дмитрій Зиновьевъ. Здѣсь кончаются подвиги знаменитаго Хабарова; можно только полагать, что вскорѣ послѣ отправленія посланныхъ въ Якутскъ, онъ ходилъ къ устью рѣчки Хамары, гдѣ заложилъ камарскій острогъ, бывшій потомъ главнымъ помѣщеніемъ Русскихъ на Амурѣ. Съ Хабаровымъ поступлено жестоко, какъ съ человѣкомъ, который ничего не сдѣлалъ и нанесъ важныя убытки казнѣ. Зиновьевъ дѣйствовалъ на Амурѣ самовластно. Ему поручено было объявить амурскимъ завоевателямъ царскую милость, раздать золотыя монеты, поощрить на новыя предпріятія и подкрѣпить ихъ свѣжими силами, порохомъ и свинцемъ, собрать полныя свѣдѣнія о тамошней странѣ, силахъ и средствахъ непріятеля, заготовить помѣщеніе и продовольствіе для 3,000 стрѣльцовъ и казаковъ, которые должны были отправиться туда подъ командою князя Лобанова-Ростовскаго.

Сообщеніе между Москвою и рѣкою Амуромъ тогда было самое трудное; посланные изъ Москвы въ Якутскъ ѣхали цѣлый годъ, большею частію по рѣкамъ вверхъ противъ теченія. Зиновьевъ въ первое лѣто своего пути выбрался только на Лену и зимовалъ на Чечуйскомъ волокѣ, ниже

нынѣшняго города Киренска. На слѣдующее лѣто продолжая плаваніе внизъ по Ленѣ, оставилъ команду свою на устьѣ рѣки Олёкмы, съ тѣмъ чтобъ она поднялась сперва по этой рѣкѣ, а потомъ по Тугиру и на волокѣ, гдѣ должно переходить чрезъ хребетъ на амурскія покати, построили острогъ, а самъ отправился далѣе въ Якутскъ.

Въ это время русская населенность по рѣкѣ Ленѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ была такъ ничтожна, что двѣ, три избы считались уже чѣмъ-то значительнымъ, за тысячу верстъ отъ нихъ стояли опять двѣ, три избы. Самая густая по-тогдашнему населенность была влѣво отъ Лены по небольшой рѣкѣ Илиму, впадающей въ Ангару. Съ Лены пробирались на эту рѣку волокомъ, по Илиму спускались въ Ангару, потомъ въ Енисей. Отсюда волокомъ перебирались на рѣки, текущія въ Обь, и слѣдовали далѣе. Посланные изъ Якутска съ вѣстями въ Москву разглашали объ амурскихъ странахъ чудеса, показывали соболей, шелковое платье, тамъ пріобрѣтенные, и воспламеняли воображеніе легковѣрныхъ. Можетъ-быть и нужно было хвастать, чтобъ привлечъ на Амуръ болѣе народу. Илимъ и верховья рѣки Лены взволновались, побросали домы, женъ и дѣтей и пустились на благословенный Амуръ. Даже плотники, строившіе суда на рѣкѣ Кути для князя Лобанова-Ростовскаго, бросили не конченное дѣло и ушли на Амуръ. За бѣглецами посылали погони, но случалось и такъ, что преслѣдователи соединялись съ бѣглецами и шли на Амуръ. Зиновьевъ, оставя Якутскъ, пошелъ вверхъ по Ленѣ и въ устьѣ рѣкѣ Олёкмы на острову нашелъ 100 человѣкъ бѣглецовъ: онъ долженъ былъ присоединить ихъ къ командѣ своей.

Зиновьевъ выбрался на Амуръ въ августѣ мѣсяцѣ и нашелъ Хабарова съ партіею на устьѣ рѣки Зеи. Уполномоченный царскою властію и 200 человѣкъ команды, онъ сталъ поступать самовластно и круто, Во-первыхъ оподозрилъ Хабарова въ утайкѣ царскаго ясака, требовалъ отъ него отчета и дерзость свою простеръ до того, что плевалъ Хабарову въ лицо, دралъ за бороду и вооружилъ противъ себя товарищей героя. Но, кажется, главнѣйшею причиною неудо-

вольствій была то, что онъ возложилъ на команду Хабарова обязанность построить три городка: первый на устьѣ рѣки Урки, второй на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ князь Лавкай, а третій на устьѣ рѣки Зеи; требовалъ, чтобъ занялись земледѣліемъ и приготовили хлѣба для той команды, которая придетъ съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Можно ли было принудить къ труду и осѣдлости людей, привыкшихъ жить на чужой счетъ! Наконецъ Зиновьевъ оставилъ въ тугирскомъ острогѣ порохъ и свинецъ, въ которыхъ терпѣли на Амурѣ страшную нужду. Кончивъ свои дѣла, Зиновьевъ поѣхалъ обратно и чтобъ разомъ уничтожить на Амурѣ духъ партій, онъ взялъ съ собою любимаго вождя Хабарова, едва ли не скованнаго, и потомъ представилъ его въ Москву, гдѣ несчастный былъ хотя оправданъ и пожалованъ сыномъ боярскимъ, но его не возвратили на Амуръ, а сдѣлали прикащикомъ Государевымъ надъ поселеніями по рѣкамъ Илиму и Ленѣ. Хабаровъ погребенъ въ илимскомъ острогѣ. Потомки его служатъ въ Сибири, а поселеніе, гдѣ онъ занимался землѣдѣліемъ и торговлею, и теперь называется Хаборово.

Въ бумагахъ якутскаго архива попадаются иногда свитки, объясняющіе характеръ и нѣкоторые черты изъ жизни Хабарова. Можно полагать навѣрное, что онъ зналъ грамотѣ, обладалъ физическими силами, имѣлъ твердую непреклонную волю, не любилъ противорѣчій и къ убѣжденіямъ слова иногда прибавлялъ дубину. Любилъ прекрасный полъ и былъ богатъ. Точно таковъ былъ и Кортецъ, завоеватель Мексики. Всѣ необыкновенные люди имѣли сильныя страсти и величайшее благоразуміе. Наши Европейцы улыбнутся сравненію Хабарова съ Кортецомъ. Какъ можно уподоблять, скажутъ они, героя, въ богатомъ испанскомъ одѣяніи, мужику, одѣтому въ бархатный кафтанъ, подпоясанный шелковымъ кушакомъ, и въ соболиной шапкѣ. Важность не въ одеждѣ, а въ головѣ. Конечно Кортецъ, сынъ благородныхъ родителей, превосходилъ образованіемъ какого-нибудь устюжскаго крестьянина, но умъ даетъ намъ Богъ, а не порода или воспитаніе; школа свѣта есть лучшее образованіе природнаго ума. Дѣло въ томъ, что характеръ Кортеца и его под-

виги описаны подробно, а матеріалы для жизнеописанія нашего героя скрываются въ истлѣвшихъ бумагахъ якутскаго архива, откуда понемногу выказываются на свѣтъ. Кортеца знаетъ вся модная Русь, а кому изъ нихъ извѣстенъ Хабаровъ? Если подвиги Хабарова не произвели выгодныхъ послѣдствій для государства, онъ не виноватъ въ этомъ. Ему не позволили кончить дѣла, важность котораго онъ понялъ и при ничтожныхъ средствахъ сдѣлалъ блестящіе успѣхи. Потомство должно внести этого человѣка въ списокъ великихъ людей и благоговѣть при воспоминаніи объ немъ.

Командующимъ на Амурѣ сдѣланъ Онофрій Степановъ; о происхожденіи и званіи этого человѣка молчатъ тогдашнія дѣловыя бумаги. Мы не находимъ въ нихъ даже имени казака, но всѣ отправляемые на Амуръ называются или стрѣльцами или служилыми людьми, охочими и промышленными. Былъ ли Степановъ стрѣлецъ, или просто охочій, пришелъ ли онъ съ Зиновьевымъ или съ Хабаровымъ, только имя этого человѣка достойно памяти. Онъ былъ герой, не уступающій ни въ чемъ предмѣстнику своему Хабарову.

Первымъ подвигомъ Степанова былъ походъ внизъ по Амуру; на рѣкѣ Сунгари-Ула досталъ онъ хлѣба и расположился зимовать въ землѣ Дучеровъ. Здѣсь построили новыя суда и, когда рѣки вскрылись, пошли вверхъ по Амуру и поворотили въ рѣку Сунгари-Ула, гдѣ Русскіе еще не были. Три дня шли вверхъ на парусахъ, какъ вдругъ окружили ихъ съ воды и съ берега Манжуры. Степановъ не оробѣлъ, но приказалъ сдѣлать залпъ по судамъ непріятельскимъ. Манжуры ретировались немедленно. Степановъ, не имѣя ни пороху, ни свинцу, не смѣлъ напасть на двухъ-тысячный корпусъ, стоящій на берегу, почему и долженъ былъ спуститься по Сунгари-Ула въ Амуръ.

Въ продолженіе этого лѣта ничего важнаго не сдѣлано: партія нуждалась въ хлѣбѣ и воинскихъ припасахъ. Между-тѣмъ Русскіе пробрались на Амуръ другимъ путемъ, гораздо кратчайшимъ и удобнѣйшимъ. Сотникъ Петръ Бекетовъ по рѣкамъ Енисею и Ангарѣ пришелъ на озеро Байкалъ, переплылъ черезъ него и, поднимаясь далѣе по Селенгѣ, вошелъ

въ рѣку Чикой, съ вершинъ которой перебрался на рѣку Ингоду, а по ней спустился въ Амуръ. Здѣсь, въ 1654 году встрѣтился онъ со Степановымъ, и оба остановились зимовать въ камарскомъ острогѣ, раззоренномъ по уходѣ Хабарова туземцами *.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, Степановъ началъ укрѣплять свой городокъ. Сдѣланъ былъ четырехъ-угольный валъ съ быками по угламъ (батареями). Земля была уже мерзла, но ее растаивали разведенными на ней огнями, рубили кирками и носили на валъ. Ниже вала былъ ровъ глубиною въ сажень, а шириною въ двѣ сажени. Все пространство около него усыпано было чеснокомъ: то были желѣзные колючки съ шестью ножками или спицами; брошенная на землю, она становилась на три ножки, а три остальныя торчали и вонзались въ ноги лошадямъ и людямъ. Чеснокъ засыпали слегка древесными листьями или рыхлою землею. На дѣланіе его употреблены копейцы изъ непріятельскихъ стрѣлъ, или кибири. Внутри города сдѣлано было изъ земли возвышеніе раскатами на всѣ стороны, тутъ поставлены пушки, изъ которыхъ можно было стрѣлять черезъ валъ въ непріятеля. Выкопанъ колодезь и отъ него проведены желоба во всѣ стороны, на случай пожара. На валу стоялъ двойной частоколъ, съ насыпаннымъ внутри крупнымъ пескомъ.

13 марта 1655 года, пришелъ подъ городъ десятитысячный корпусъ Манжуровъ, съ 15 пушками и другими огнеными снарядами, лѣстницами, баграми, дегтемъ, соломою, щитами, обитыми войлоками и кожею и т. п.

Русскихъ было не больше 500; 20 человѣкъ, строившіе суда внѣ крѣпости, были пойманы непріятелемъ и убиты. Вышедшіе на первую вылазку подверглись той же участи, дорого продавши свою жизнь.

Манжуры построили передъ городкомъ двѣ батареи и кромѣ того поставили на утесѣ другаго берега Амура пушки,

* Рѣка Хумаръ-бяра впадаетъ въ Амуръ съ правой стороны ниже Албазина. Она приходится на половинѣ пути между Албазиномъ и устьемъ рѣки Джи.

и 20 марта открыли стрѣльбу по городу, но ядра их никакого вреда не сдѣлали, почему и рѣшились взять городъ штурмомъ. Ночью на 25 марта они пошли на приступъ, сраженіе продолжалось до разсвѣта безъ успѣха для осаждающихъ. Они отступили въ свой лагерь, а Русскіе, сдѣлавъ вылазку, многихъ убили и отняли двѣ пищали и нѣсколько мѣшковъ съ порохомъ.

Этотъ поступокъ, столь отважный, произвелъ большое вліяніе на Манжуровъ: они отступили отъ города въ свой лагерь, откуда стрѣляли по городу на удачу, вѣроятно для того, чтобъ осажденные не забывались. 4 апрѣля Манжуры удалились во-свояси, не сдѣлавъ ничего, но потерявъ множество народу и оружія.

По уходѣ непріятеля, Степановъ послалъ собранный ясакъ уже не черезъ Якутскъ, какъ бывало прежде, но прямо въ Москву, по рѣкамъ Ингодѣ, Селеньгѣ, черезъ Байкалъ и такъ далѣе. Обстоятельсто это имѣло впослѣдствіи большое вліяніе на дѣла амурскія. Якутскіе воеводы стали чуждаться Дауріи, какъ не принадлежащей ихъ вѣдомству. Тщетно завоеватели просили у нихъ подкрѣпленій, воеводы молчали; писали въ Москву, но бумаги ихъ доходили туда черезъ годъ.

Якутскъ думалъ однако жъ о Дауріи: тамошніе соболи нравились воеводамъ, но Степановъ, посаженникъ Зиновьева, былъ имъ не по сердцу. Чтобъ вознаградить сколько-нибудь пропавшее, они послали 50 человѣкъ, подъ командою сына боярскаго Федора Пущина на рѣку Аргунь, для покоренія Тунгусовъ, тамъ обитающихъ. Артель эта не имѣла никакихъ успѣховъ: на рѣкѣ Уркѣ потонуло ихъ судно съ воинскими и съѣстными припасами. Однако жъ Пущинъ добрался до Аргуни и въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка эта соединяется съ Шилькою, построилъ ясачное зимовье; живущіе по берегамъ рѣки Тунгусы всѣ разбѣжались. Пущинъ поднимался далеко вверхъ по Аргуни, однако жъ не встрѣтилъ ни одной души. Въ съѣстныхъ припасахъ оказался недостатокъ, и вся артель положила отправиться на Амуръ къ Степанову, котораго и нашли они на устьѣ рѣки Сунгари-Ула.

Оба предводителя пошли вверхъ по этой рѣкѣ и получили въ добычу множество хлѣба, однако жъ далеко углубляться не рѣшились, но выплыли на Амуръ и пошли къ Гилякамъ. Хотя этотъ народъ обложенъ былъ ясакомъ еще Поярковымъ, но Хабаровъ не былъ въ землѣ ихъ, а присылаемые изъ Якутска казаки черезъ Охотскъ поступали съ туземцали столь несправедливо, что Гиляками были не разъ умерщвляемы. Для прочнаго утвержденія русской власти, Степановъ построилъ здѣсь острогъ, который назвалъ косогорскимъ. Отказавшихся отъ повиновенія Гиляковъ и Дучеровъ, которые, предъ прибытіемъ Степанова, убили 30 человѣкъ охотскихъ казаковъ, наказалъ и привелъ въ послушаніе; собралъ съ нихъ ясаку 120 сороковъ и наступившею весною пошелъ обратно вверхъ по Амуру. Пущинъ, въ отпискѣ своей въ Якутскъ, говоритъ, что теперь на Амурѣ только съ однихъ Гиляковъ можно собирать ясакъ, и если верхнія страны Амура отойдутъ отъ Россіи подъ власть Китая, за то нижнія останутся за нами, потому-что Гиляки народъ независимый и никогда не платилъ ясаку владѣльцамъ амурскимъ.

Изъ отписки Пущина видно, что жители береговъ Амура были частію раззорены сборомъ ясака и съѣстныхъ припасовъ партіями Русскихъ, частію разбѣжались, а остальные, по распоряженію правительства, переселены во внутренность Манжуріи. Благословенный Амуръ опустѣлъ: куда не приставали Русскіе, вездѣ находили сожженныя жилища туземцовъ, и наши завоеватели должны были приняться за соху, чтобъ не умереть съ голода. Безпорядки эти произведены не столько партіями Хабарова и Степанова, сколько бѣглыми съ Илима и другихъ рѣкъ сибирскихъ, привлеченными на Амуръ слухами о богатствахъ, напримѣръ, въ 1655 году, братья Михайло и Яковъ Сорокины набрали самовольно партіи бѣглецовъ въ Верхоленскѣ и на Илимѣ и, въ числѣ 300 человѣкъ, отправились внизъ по Ленѣ къ устью рѣки Олёкмы; по дорогѣ они грабили и раззоряли все, что имъ попадалось. Они успѣли пробраться на Амуръ, но здѣсь погибли частію отъ стрѣлъ туземцевъ, частію умерли съ голо-

да. Можно судить, какимъ неистовствамъ предавалась на Амурѣ такая ватага людей, которая не щадила своихъ единовѣрцевъ и соотечественниковъ.

Пущинъ отправился въ Якутскъ, а Степановъ пошелъ на легкомъ суднѣ вверхъ по Сунгари-Ула, но вездѣ встрѣчалъ одну пустоту. Степановъ писалъ, что онъ не знаетъ, какъ продовольствовать свою команду, и готовъ оставить Амуръ. Отправляя съ сотникомъ Бекетовымъ ясакъ, подъ прикрытіемъ 50 человѣкъ, просилъ чтобъ людей этихъ къ нему не возвращали.

Между-тѣмъ Зиновьевъ прибылъ въ Москву съ радостными вѣстями. Амуръ обратилъ вниманіе правительства. Степанову послана милостивая грамата, но она принесла мало пользы: завоеватели нуждались въ существенномъ.

Въ Москвѣ рѣшено было учредить въ Дауріи прочное управленіе: избранъ былъ енисейскій воевода Афанасій Пашковъ, заслужившій умными своими распоряженіями любовь народа и вниманіе начальства. Онъ писалъ въ Москву, что на рѣкѣ Шилкѣ нужно построить укрѣпленіе, которое бы служило основаніемъ военнымъ дѣйствіямъ въ цѣлой Дауріи. Такимъ образомъ можно пріобрѣсть второе Сибирское царство. Мысль его одобрена, и Пашковъ отправился на Амуръ съ тѣмъ, чтобъ принять начальство отъ Степанава, построить на Шилкѣ городъ. Оружіемъ и порохомъ приказано было снабдить его изъ Тобольска; съ нимъ было служилыхъ, охочихъ и промышленныхъ 566 человѣкъ. Онъ шелъ сперва вверхъ по Ангарѣ, потомъ чрезъ Байкалъ, потомъ вверхъ по рѣкѣ Селеньгѣ, изъ нее поворотилъ въ рѣку Хилокъ и поднялся до иргеньскаго острога. Отсюда сухимъ путемъ перешелъ на рѣку Ингоду, а ею вышелъ въ рѣку Шильку и при устьѣ рѣчи Нерчи основалъ въ 1658 году нерчинскій острогъ. Между-тѣмъ провіантъ и военные припасы отправлены были по старой дорогѣ Леною и Олёкмою; провожавшіе не торопились въ пути, безпрестанно ожидая, что Пашковъ ихъ догонитъ. Они захвачены были морозомъ на рѣкѣ Олёкмѣ. Хорошо, что Пашковъ, зимуя на Ангарѣ въ братскомъ острогѣ, приказалъ доставить себѣ 225 четвертей муки изъ Илимска.

Военные припасы изъ Тобольска не приходили, тогда вспомнили о порохѣ, зарытомъ Зиновьевымъ въ тугирскомъ острогѣ. Хабаровъ посланъ былъ съ Лены для указанія мѣста, но тамъ найденъ былъ только деревянный крестъ, съ объясненіемъ, что порохъ взятъ былъ партіею Сорокина, бѣжавшею на Амуръ.

Изъ Нерчинска послалъ Пашковъ 30 человѣкъ на Амуръ къ Степанову съ тѣмъ, чтобы ему объявить о главномъ своемъ начальствѣ и о присылкѣ къ нему въ Нерчинскъ 100 человѣкъ, а съ остальными чтобъ приступилъ къ постройкѣ города Албазина. Но Степановъ не въ состояніи былъ исполнить приказанія. Этотъ герой увлекался уже рокомъ своимъ. Духъ неповиновенія оказался между его подчиненными: недостатокъ пропитанія и добычи разочаровали многихъ. Партіи самовольныхъ пришлецовъ разсѣвали заразу, исчезло единодушіе и стремленіе къ одной цѣли, каждый думалъ о себѣ.

Къ довершенію несчастія Манжуры на 47 лодкахъ окружили Степанова ниже устья рѣки Сунгари-Ула. Хотя Русскихъ было около 500 человѣкъ, но это было уже не тѣ герои, которые безбоязненно ударили на десяти-тысячный корпусъ Манжуровъ и заставили ихъ съ большою потерею отступить въ укрѣпленный лагерь. Теперешніе товарищи Степанова частію бѣжали до начала сраженія, другіе добровольно сдались Манжурамъ, и Степановъ съ 270 вѣрныхъ пропалъ безъ вѣсти. Неизвѣстно, палъ ли онъ на сраженіи или захваченъ въ плѣнъ. Бѣглецы сообщили только вѣсть о началѣ битвы и потерянныхъ 80 сорокахъ соболей. 180 человѣкъ изъ нихъ встрѣтились съ посланнымъ отъ Пашкова, отняли у нихъ провіантъ и прогнали въ Нерчинскъ, а сами пустились опять внизъ по Амуру и зимовали на устьѣ его у Гиляковъ, гдѣ собрали ясаку 18 сороковъ. Весною пошли въ камарской острогъ и дорогою присоединились къ нимъ 47 человѣкъ изъ ушедшихъ отъ Степанова. Тутъ раздѣлились они на двѣ партіи: 107 человѣкъ пошли на Лену и разбрелись по домамъ своимъ, кромѣ семи человѣкъ, доставившихъ ясакъ въ Якутскъ, а потомъ въ Москву. Оставшіеся

120 человѣкъ въ камарскомъ острогѣ пошли на рѣку Зею и тамъ разсѣялись. Нѣкоторые изъ нихъ въ 1666 году пришли въ Якутскъ, а остальные явились къ Пашкову съ покорною головою въ иргенскій острогъ. Пашковъ послалъ-было ихъ съ сыномъ своимъ противъ ослушныхъ Тунгусовъ, но они лишь вышли на Йнгоду, тотчасъ составили заговоръ и ночью уплыли внизъ по рѣкѣ на плотахъ. Въ Нерчинскѣ они захватили судно и на немъ вышли на Амуръ, и сухимъ путемъ отправились на Лену. Тамъ встрѣтилъ ихъ сынъ боярскій Толбузинъ, ѣхавшій на смѣну Пашкова: онъ повелъ ихъ обратно.

Послѣ разбитія Степанова Амуръ былъ совершенно оставленъ Русскими; о завоеваніи его перестали уже и думать, какъ вдругъ неожиданное происшествіе заставило обратить вниманіе на эту рѣку.

Въ киренскій острогъ на рѣку Лену съѣзжались купцы и промышленники торговать. Для сбора съ нихъ десятинной пошлины, суда и расправы пріѣзжалъ обыкновенно ближайшій воевода изъ Илимска. Въ 1655 году лѣтомъ воевода Обуховъ, кончивъ свои дѣла, возвращался по рѣкѣ Ленѣ въ Илимскъ, на него напали разбойники, ограбили и убили.

Полякъ Никифоръ Черниговскій, бывшій въ послѣднее время смотрителемъ устькутскаго соловареннаго завода, былъ атаманомъ этихъ разбойниковъ. Опасаясь наказанія, онъ съ шайкою своею пустился по Олкмѣ на Амуръ, куда пришелъ уже пѣшкомъ зимою. Партія его состояла изъ 84 человѣкъ. Города, построенные Русскими на Амурѣ, были всѣ раззорены Манжурами, и Черниговскій рѣшился возобновить Албазинъ. Построивъ острогъ, онъ сталъ собирать ясакъ съ тѣхъ жителей, которыхъ могъ отыскать, и послалъ его въ Нерчинскъ, гдѣ вѣроятно не знали о сдѣланномъ имъ смертоубійствѣ. Въ 1671 году заложенъ недалеко отъ Албазина, на брусяномъ камнѣ, монастырь во имя Спаса. Въ 1672 и 73 году переведено сюда нѣсколько крестьянъ изъ Нерчинска и началось производиться земледѣліе.

Устроивъ дѣла свои, Черниговскій отправилъ челобитную въ Москву, подписанную 101 человѣкомъ о прощеніи. По

первому приговору, Черниговскій съ сыномъ и семью заговорщиками осужденъ на смерть, а 46 человѣкъ его шайки на жестокое тѣлесное наказаніе. Но два дня спустя объявлено имъ прощеніе и послано 2,000 рублей награжденія. Но чтобъ упрочить наши поселенія на Амурѣ, отправленъ былъ изъ Москвы посланникомъ къ манжурскому хану переводчикъ посольскаго приказа Грекъ Спафари. Онъ доѣзжалъ только до города Цицикара, стоящаго на рѣкѣ Нонни, по-тогдашнему Науни. Кажется, онъ призналъ наше обладаніе Амуромъ неправильнымъ, это доказывается тѣмъ, что на возвратномъ пути онъ посылалъ изъ Нерчинска наказныя памяти въ Албазинъ, чтобъ ни по Амуру, ни по рѣкѣ Джи водою не плавали и съ живущихъ Тунгусовъ ясаку не требовали, а въ Албазинѣ жили спокойно, остерегаясь нападенія Манжуровъ. Спафарій вѣроятно убѣдился, что съ силами столь ничтожными трудно нашимъ ратовать противъ народа многочисленнаго.

Но прежде полученія этого приказанія, Русскіе построили уже ясачное зимовье при устьѣ рѣчки Гимоя, въ Джи впадающей, а потомъ основали свои заведенія и на рѣкѣ Силимжѣ, впадающей въ Джи, такъ что въ этой сторонѣ было нѣсколько русскихъ острожковъ. Успѣхъ былъ значителенъ, потому-что слабыя тунгускія племена, здѣсь кочевавшія, не смѣли противиться Русскимъ.

Въ это же время упоминается о какомъ-то городѣ Аюнхунѣ, построенномъ кѣмъ-то на сѣверномъ берегу Амура, на полдня пути ниже устья рѣки Джи. Онъ обведенъ былъ землянымъ валомъ длиною въ 400, а шириною во 100 саженъ. По срединѣ была цитадель. Кто основалъ этотъ городъ и почему онъ оставленъ, свѣдѣній нѣтъ. Вѣроятно дѣло идетъ о манжурскомъ городѣ Айгунѣ.

Въ 1681 году нерчинскій воевода Воейковъ послалъ въ Албазинъ сына боярскаго Никифора Сѣнотрусова съ тѣмъ, чтобъ онъ набралъ тамъ партію охотниковъ и съ ними отправился бы внизъ по Амуру до устья, осмотрѣлъ бы морскіе берега и наложилъ бы ясакъ на тѣ народы, которыхъ най-

детъ. Сѣнотрусовъ набралъ въ Албазинѣ 18 человѣкъ, но чѣмъ кончилось это предпріятіе не извѣстно.

Городъ Албазинъ зависѣлъ тогда отъ нерчинскаго воеводы, который посылалъ туда управителей, и хотя строго наказывали имъ удерживать всѣхъ желающихъ распространять русскую власть на Амурѣ, чтобъ сохранить миръ съ Манжурами, но партіи безпрестанно разъѣзжали по рѣкамъ, грабили и тревожили обывателей, а весьма часто и сами пропадали. Между-тѣмъ Манжуры не покидали мысли вытѣснить новыхъ пришлецовъ изъ владѣній своихъ. Они укрѣпили городъ свой Айгунъ и начали собирать въ немъ войско. Въ это время послана была изъ Албазина партія, подъ командою Григорья Мыльникова, на смѣну служившей въ острожкѣ на одной изъ рѣкъ, въ Амуръ впадающихъ. Партія эта дошла только до города Айгуна. Здѣсь окружили ее до 300 судовъ. Русскіе должны были пристать къ берегу. Манжурскій воевода позвалъ къ себѣ Мыльникова, для переговоровъ, и задержалъ его. Товарищи частію сдались, частію разбѣжались по лѣсамъ. Мыльниковъ приведенъ былъ въ Пекинъ и принятъ ласково и, какъ человѣкъ предпріимчивый, тотчасъ предложилъ китайскому правительству проэктъ о постройкѣ русскихъ мѣльницъ и мыловарни, но, чуждые всѣхъ нововведеній, Китайцы едвали уважили это предложеніе.

Въ это время Манжуры владѣли уже Китаемъ, и ханъ ихъ царствовалъ въ Пекинѣ. Жалобы изъ Манжуріи на раззореніе, претерпѣваемое отъ Русскихъ, тревожили правительство; пекинскій дворъ утвердилъ мнѣніе выжить Русскихъ съ Амура вооруженною рукою, но сперва послали въ Албазинъ увѣщательную грамату, чтобъ Русскіе сдались добровольно. Въ Айгунѣ наши переметчики и плѣнные перевели грамату на русской языкъ и въ этомъ видѣ передали ее въ Албазинъ. Управитель прочелъ грамату вслухъ, однако жъ никто не прельстился на обѣщанія Китайцевъ, но всѣ клялись защищать городъ до послѣдней капли крови.

Хотя Албазинцы безпрестанно писали въ Нерчинскъ, Енисейскъ и Тобольскъ о присылкѣ имъ помощи, но первый городъ былъ тогда весьма малолюденъ, а два послѣдніе от-

стояли на большое пространство и не могли вскорѣ исполнить требованія. Въ Москвѣ тоже разсуждали о трудномъ положеніи города, столь далеко высунувшагося въ чужія владѣнія. Рѣшено было во-первыхъ усилить власть его, а во-вторыхъ послать туда регулярный полкъ изъ казаковъ и охочихъ, набранныхъ въ Сибири. Въ Албазинѣ учреждено воеводство и данъ городу гербъ, изображающій орла съ распростертыми крыльями, въ лѣвой ногѣ у него лукъ, а въ правой стрѣла. Воеводою сдѣланъ Алексѣй Толбузинъ; онъ пріѣхалъ въ Албазинъ 1684 года. Для образованія регулярнаго полка, посланъ былъ въ Сибирь плѣнный Нѣмецъ Афанасій Фонъ Бейтонъ, служившій прежде въ польскомъ войскѣ. Шестисотный полкъ былъ набранъ въ Тобольскѣ и съ артиллеріею, ружьями, порохомъ и прочими снарядами отправленъ водою. Все это медленно подавалось впередъ, а между-тѣмъ Манжуры сперва истребили всѣ острожки, построенные Русскими, жителей увели въ плѣнъ, а въ 1685 году подступили и подъ Албазинъ. Сто судовъ, по 50 человѣкъ на каждомъ, приплыли по рѣкѣ, а 10,000 человѣкъ пришли сухимъ путемъ. Полевой артиллеріи было 100 пушекъ и 50 большихъ осадныхъ.

Воевода манжурскій прислалъ въ Албазинъ отъ имени своего хана три граматы: одну на манжурскомъ, другую на польскомъ, а третью на русскомъ языкѣ съ увѣщаніемъ, если Русскіе сдадутъ городъ добровольно, то будутъ приняты благосклонно. Двое Русскихъ, перебѣжчиковъ, исправляли должность переговорщиковъ. Осажденные не отвѣчали: Манжуры открыли пальбу по городу.

Воевода Толбузинъ собралъ изъ окрестныхъ деревень всѣхъ жителей и сожегъ обывательскіе домы, стоящіе за городомъ. Всѣхъ людей было у него 450 человѣкъ, 3 пушки и 300 ружей. Съ этими ничтожными средствами онъ рѣшился обороняться отъ 15,000 корпуса.

Въ первые два дня потеряли осажденные болѣе 100 человѣкъ. Стѣны и башни были сильно повреждены. Наконецъ порохъ и свинецъ весь вышелъ; обороняться не было возможности. Іеромонахъ Спасскаго монастыря и священникъ го-

родской церкви съ обывателями стали просить воеводу Толбузина, чтобъ предложилъ китайскому командующему войсками о сдачѣ города и свободномъ пропускѣ жителей въ Нерчинскъ. Китайцы позвали сперва всѣхъ жителей въ свой лагерь и тутъ уговаривали ихъ передаться; но этотъ вызовъ подѣйствовалъ только на 25 человѣкъ, остальные, отдавъ все имущество свое Китайцамъ, пошли въ Нерчинскъ. Въ числѣ добровольно перешедшихъ къ Китайцамъ былъ вѣроятно и священникъ, можетъ-быть онъ согласился на просьбы нашихъ перебѣжчиковъ; но какъ бы то не было, а поколѣніе русскаго священника до-сихъ-поръ продолжается въ Пекинѣ, между солдатами русской сотни, взятыми въ плѣнъ на Амурѣ.

Вышедшіе изъ Албазина встрѣтили на другой день 100 человѣкъ съ двумя мѣдными и тремя чугунными пушками, съ 300 ружей и принадлежностію. Это подкрѣпленіе послалъ изъ Нерчинска воевода Власовъ. Китайцы наблюдали за Русскими верстъ 200. до послѣднихъ албазинскихъ деревень.

Послѣ этого происшествія, столь невыгоднаго для Русскихъ, казалось, что мы потеряли опять Амуръ на-всегда, но воевода нерчинскій не такъ думалъ.—Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ онъ послалъ 70 человѣкъ, на легкихъ стругахъ, провѣдать, чтó дѣлается на Амурѣ. Посланные возвратились съ извѣстіемъ, что Албазинъ и русскія деревни сожжены, а посѣянный хлѣбъ стоялъ на пашняхъ: его нащитали болѣе 1,000 десятинъ. Между-тѣмъ собрался въ Нерчинскъ и полкъ Афанасья Бейтона. Воевода Власовъ отправилъ предварительно на мѣсто, гдѣ былъ Албазинъ полковника Бейтона съ 200 человѣками, а за нимъ пошли многіе изъ прежнихъ жителей съ тѣмъ, чтобъ сперва сжать созрѣвшій хлѣбъ, а потомъ построить городъ съ лучшими противъ прежняго удобностями. Толбузинъ, по желанію обывателей, назначенъ былъ опять воеводою, а Бейтону велѣно быть подъ его начальствомъ. Всѣхъ, отправившихся въ Албазинъ, было 671 человѣкъ, пять пушекъ мѣдныхъ и три чугунныя.

Въ августѣ мѣсяцѣ пришелъ Толбузинъ на мѣсто. Сперва

принялись жать хлѣбъ, а потомъ строитъ городъ. Рѣшено было вырыть колодезь, но воды не оказалось, почему городъ хотѣли поставить на другомъ мѣстѣ, однако жъ удобнѣе прежняго не нашли. Сдѣлали валъ изъ дерна глины и кореньевъ, вышиною въ три, а въ основаніи въ четыре сажени. Построили домъ для воеводы и нѣсколько домовъ внѣ крѣпости. Засѣяно нѣсколько десятинъ хлѣба, но успѣху работъ мѣшалъ недостатокъ желѣза! Его доставили изъ Телембинска, за нѣсколько сотъ верстъ.

Осенью показались легкіе отряды Манжуровъ, въ Албазинъ пришло нѣсколько Тунгусовъ съ ясакомъ, но это были лазутчики, подосланные Манжурами.

Толбузинъ откомандировалъ полковника Бейтопа на устье рѣки Камары съ тѣмъ, чтобъ тайно присматривать за движеніями Манжуровъ и стараться *достать языковъ*. Вскорѣ показался небольшой отрядъ, но онъ бѣжалъ при видѣ Русскихъ. Бейтонъ преслѣдовалъ его и съ большимъ трудомъ схватилъ одного человѣка: Манжуры оборонялись отчаянно. Плѣнный показалъ, что они посланы для наблюденія, что дѣлается въ Албазинѣ. Манжуры намѣрены осадить этотъ городъ, не прежде однако жъ весны 1687 года, а между-тѣмъ осенью легкіе ихъ разъѣзды будутъ препятствовать Русскимъ убирать хлѣбъ. Что Манжуры построили новой городъ на Амурѣ ниже устья рѣки Джи на день пути *. Вся армія, пришедшая изъ-подъ Албазина въ прошломъ году, стоитъ тамъ. Въ городѣ 30 пушекъ, но мелкаго огнестрѣльнаго оружія мало. Назначено построить другой городъ на рѣкѣ Нонни (Наунъ), впадающей въ Сунгари, но къ работамъ еще не приступили.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Манжуры подступили опять подъ Албазинъ. Пѣхота приплыла на 150 судахъ, а конница въ числѣ 3,000 пришла берегомъ. Русскіе убрались въ городъ, а для житья выкопали землянки. У Толбузина было всего на все 736 человѣкъ, однако жъ онъ рѣшился противустать Манжурамъ и немедленно далъ знать о положеніи своемъ въ Нерчинскъ.

* Хэ-лунъ-дзянъ-чэнъ, онъ стоитъ и теперь.

Манжуры прикрыли себя частоколомъ, позади котораго намѣтали много срубленнаго сыраго лѣсу. Но это укрѣпленіе сгорѣло отъ каленыхъ ядеръ, пущенныхъ съ крѣпости, а наваленный сырой лѣсъ взорванъ подкопомъ. Послѣ этого сдѣлали они вокругъ Албазина валъ и на немъ поставили до 30 пушекъ. До перваго сентября продолжалась только канонада, въ этотъ же день они ходили на приступъ, но отбиты съ большимъ урономъ. Послѣ того Русскіе пять разъ выходили на вылазку и много непріятелей убили, и въ плѣнъ взяли. Между-тѣмъ, отъ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеній въ землянкахъ, появилась цынга и поразила болѣе нежели непріятель. Но главная потеря осажденыхъ была та, что храбрый ихъ воевода Толбузинъ убитъ ядромъ въ концѣ сентября. Послѣ него принялъ начальство полковникъ Бейтонъ.

Въ бумагахъ тогдашняго времени описывается Бейтонъ *навычнымъ ратному дѣлу и зело хитрымъ*. Въ самомъ дѣлѣ онъ успѣлъ съ горстью людей сдѣлать ничтожными всѣ покушенія многолюдной манжурской арміи. Въ концѣ ноября начались морозы, и осада перемѣнена въ облежаніе. 6 мая 1687 года непріятель отступилъ отъ города на 4 версты, и осажденные могли свободно выходить изъ города и посылать отписки въ Нерчинскъ. Манжуры вызвались прислать въ Албазинъ своихъ лекарей для леченія больныхъ, лишь бы имъ объявили о числѣ страждущихъ, но Бейтонъ отвѣчалъ, что команда его здорова и ни въ чемъ не нуждается, въ удостовѣреніе чего и послалъ манжурскому воеводѣ пирогъ вѣсомъ въ пудъ. Хоть у Бейтона осталось въ живыхъ только 60 человѣкъ, а 600 погибли отъ жестокой цынги, но онъ не терялъ бодрости.

Наконецъ въ августѣ мѣсяцѣ Манжуры удалились въ свои мѣста, а Русскіе принялись за пашни.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій произошло отъ начавшихся переговоровъ между дворами московскимъ и пекинскимъ. Въ 1685 году отправленъ былъ изъ Москвы канцеляристъ посольскаго приказа Никифоръ Венуковъ, а за нимъ другой канцеляристъ Иванъ Логиновъ съ извѣстіемъ, что нашъ посолъ выѣхалъ уже изъ Москвы. Въ слѣдствіе этого послѣдо-

валъ указъ китайскаго богда-хана о выводѣ всѣхъ войскъ, расположенныхъ около Албазина.

Предложеніе о мирѣ сдѣлано со стороны московскаго двора. Вѣроятно тягостное положеніе Албазина, столь отдаленнаго отъ главныхъ силъ, и трудность подавать ему скорую помощь были тому причиною. Дворъ московскій полагалъ, что Китайцы уступятъ намъ рѣку Амуръ, или берега ея раздѣлятъ пополамъ: сѣверный будетъ за нами, а южный за Китаемъ, однако жъ посолъ былъ уполномоченъ опредѣлить границы по усмотрѣнію и сдѣлалъ величайшую уступку, слѣдствія которой чувствуемъ донынѣ.

Съ русской стороны назначены были посланниками окольничій, брянскій намѣстникъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, стольникъ, нерчинскій воевода Иванъ Астафіевичъ Власовъ и дьякъ Семенъ Карпицкій. Свиту ихъ составляли дворяне: Алексѣй Сенявинъ, Федоръ Ушаковъ, Степанъ Коровинъ, Василій Лутовиновъ и Ларіонъ Сенявинъ. Съ ними былъ пятисотный стрѣлецкій полкъ, подъ командою полковника Скрипицына, а двумъ полковникамъ Павлу Грибову и Антону Смаленбергу велѣно набрать въ Сибири два пятисотные полка.

Головинъ выѣхалъ изъ Москвы 20 января 1686 года и 24 марта пріѣхалъ въ Тобольскъ. Здѣсь взялъ онъ 600 новонабранныхъ драгуновъ. Второй же полкъ собранъ былъ въ проѣздъ чрезъ города Енисейскъ и Илимскъ.

Изъ Тобольска отправилось посольство по Иртышу и Оби до Маковскаго волока, гдѣ сухимъ путемъ переѣзжаютъ на рѣку Енисей. Въ Енисейскѣ получено извѣстіе объ осадѣ Албазина, и, для поправленія дѣлъ, отправленъ былъ въ Нерчинскъ подполковникъ Богатыревъ.

Изъ Енисейска отправилось посольство опять водою, сперва вверхъ по Енисею, а потомъ по Ангарѣ. Здѣсь застигли ихъ морозы, и надо было зимовать. На другую весну пошли далѣе по Ангарѣ и 1 августа пришли въ Иркутскъ. Переправились чрезъ Байкалъ и по рѣкѣ Селеньгѣ поднялись до верхнеудинскаго острога. Отсюда отправился посланникъ сухимъ путемъ, поспѣшая подать помощь утѣсненному Албазину, однако жъ, узнавъ отъ нарочно посланнаго, что Манжу-

ры отступили отъ Албазина, возвратился въ Селенгинскъ. Отсюда отправилъ въ Пекинъ дворянина посольства Коровина, съ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ своемъ, предоставляя на волю Китайцамъ назначить мѣсто для съѣзда и переговоровъ.

Въ это время Монголы осадили Селенгинскъ и разсыпались до самаго удинскаго острога; у посланника была только рота стрѣльцовъ, а прочее войско стояло на квартирахъ по деревнямъ, ниже по рѣкѣ Селеньгѣ. Но въ двухъ сраженіяхъ Монголы были разсѣяны.

Возвратившійся изъ Пекина дворянинъ Коровинъ объявилъ, что китайскій ханъ сперва назначилъ для переговоровъ городъ Селенгинскъ и уполномочилъ двухъ знатныхъ вельможъ Сонготу и Тунъ-Ке-Кана, которые со свитою отправились въ Монголію, но въ это время начинались непріятельскія дѣйствія между Монголами и Зюнгарами, и послы воротились въ Пекинъ. Тогда богдо-ханъ избралъ мѣстомъ свиданія городъ Нерчинскъ, куда можно было пріѣхать чрезъ Манжурію, минуя Монголію. Послы набрали въ Манжуріи 15,000 войска и съ этими силами приближались къ Нерчинску. При посольствѣ были переводчиками два іезуита Францискъ Жербильонъ и Томасъ Перейра.

Послѣ этого извѣстія, столь неблагопріятнаго, Головинъ усумнился въ дружескомъ расположеніи Китайцевъ. Тутъ кажется онъ понялъ, что сдѣлалъ ошибку, предоставивъ Китайцамъ назначить мѣсто свиданія. Нерчинскъ, окруженный непріятельскимъ войскомъ, не могъ уже имѣть никакихъ сообщеній съ Албазиномъ. Этотъ городокъ отрѣзывался совершенно отъ Россіи и былъ во власти Китайцевъ. Головинъ отправилъ немедленно двухъ дворянъ, одного къ идущимъ Китайцамъ, съ предложеніемъ, что мѣстомъ для переговоровъ назначаетъ онъ Албазинъ; другому же посланному велѣно плыть въ Албазинъ и приказать Бейтону, чтобы остановилъ идущихъ по Амуру къ Нерчинску Манжуровъ, но Головинъ поздно схватился за умъ. Нерчинскъ назначенъ былъ самимъ богдо-ханомъ, и никто не осмѣлится войдти къ нему съ докладомъ о перемѣнѣ мѣста. Предложеніе Головина оставлено безъ уваженія.

21 іюля 1689 года прибыло къ Нерчинску посольство китайское и остановилось въ палаткахъ на лугу ниже города. Черезъ три недѣли пріѣхалъ сюда и Головинъ со всею свитою.

Для веденія переговоровъ устроенъ былъ шатеръ; одна половина его была русская, другая китайская. Русская половина убрана была дорогими турецкими коврами, столъ накрытъ былъ персидскимъ ковромъ, на немъ стояла чернилица и дорогіе часы. За столомъ сидѣли на креслахъ Головинъ и Власовъ, а подлѣ нихъ на стулѣ дьякъ Корницкій. Въ китайской половинѣ небыло никакихъ украшеній, послы китайскіе сидѣли на низкой скамьѣ, устланной полстями.

Съ общаго согласія, положено было, чтобъ у каждаго шатра стояло по 260 солдатъ, да въ отдаленіи по 500 воиновъ съ каждой стороны. Это постановленіе соблюдалось во все продолженіе переговоровъ. Русскіе не вѣрили Китайцамъ, зная ихъ коварство, а Китайцы не знали европейскаго закона, что посла не куютъ, не рубятъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Головинъ хотѣлъ предъявить свой кредитивъ, но Китайцы не имѣли отъ своего хана письменнаго полномочія, а потому не хотѣли видѣть и русскаго. Головинъ зналъ по-латыни, и объясняться ему черезъ іезуитовъ было легко. Положено не говорить ни о ссорахъ, прежде бывшихъ, ни о взаимныхъ неудовольствіяхъ, но заняться опредѣленіемъ границъ между обоими государствами. Головинъ предложилъ, чтобъ рѣка Амуръ была границею, лѣвая сторона по теченію принадлежала бы намъ, а правая Китаю, потому-что многіе народы, здѣсь обитающіе, платятъ Россіи дань около 50 лѣтъ. Но Китайцы несогласны были на это предложеніе, они знали, что въ горахъ по сѣверную сторону Амура ловятся отличные соболи, и лишиться этихъ ухожей они не желали. Съ своей же стороны предложили, чтобъ Россія уступила имъ всѣ земли до озера Байкала, доказывая, что народами, здѣсь обитающими, владѣлъ Чингисъ-ханъ, ихъ повелитель. Нашимъ не трудно было опровергнуть эти доводы тѣмъ болѣе, что и Китайцы предложили ихъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ было что уступить на слу-

чай спора и тѣмъ показать свою умѣренность. Насталъ вечеръ, и послы разошлись до завтрешняго свиданія.

На другой день Китайцы согласились считать Нерчинскъ пограничнымъ городомъ, откуда Русскіе могутъ ѣздить для торговли въ Китай; Головинъ благодарилъ ихъ за то, что оставляютъ ему Нерчинскъ, гдѣ можетъ отдохнуть. Китайцы были упорны, Русскіе не уступали имъ, и день кончился ничѣмъ. При этомъ свиданіи не было іезуитовъ, Китайцы подозрѣвали ихъ въ предательствѣ уже потому-что они говорили съ Русскими на латинскомъ языкѣ, имъ непонятномъ въ этихъ переговорахъ. Послы говорили чрезъ монгольскаго переводчика.

Послѣ того наши просили китайскихъ пословъ дать имъ на бумагѣ свои требованія, а взамѣнъ обѣщались дать свои, чтобъ представить ихъ на разсмотрѣніе государей. Но Китайцы отказались подъ разными предлогами.

Затѣмъ явились къ Головину отцы іезуиты подъ видомъ посѣщенія. Въ разговорахъ они объявили посланнику, что ханъ китайскій поставилъ въ непремѣнную обязанность посламъ своимъ требовать Албазинъ; если Русскіе не уступятъ его, то нельзя ожидать мира. Что же касается до страны, лежащей къ сѣверу отъ Амура, то гдѣ назначена ханомъ граница они не знаютъ. Впрочемъ Китайцы имѣютъ большое расположеніе къ миру.

На другой день послалъ Головинъ къ Китайцамъ своего дворянина, чтобъ узнать, какое они приняли намѣреніе на счетъ границъ. Китайцы показали ему на картѣ рѣку Кербече или по-нашему Горбицу; она вышла изъ каменныхъ горъ, тянущихся къ сѣверо-востоку; по этимъ-то горамъ они назначали границу, такъ, что всѣ рѣки, текущія изъ горъ на югъ, принадлежали бы Китаю, а текущія на сѣверъ Россіи. Отъ Горбицы къ западу, назначили рѣку Аргунь границею между обѣими государствами, потребовали что аргунскій острогъ, стоящій на южномъ берегу рѣки, пересенъ былъ на сѣверный. Послѣ того іезуиты опять приходили къ окольничему съ предложеніями объ уступкѣ Албазина, безъ чего Китайцы не хотѣли продолжать переговоровъ.

Вечеромъ видѣли изъ Нерчинска большое движеніе въ китайскомъ лагерѣ; Головинъ послалъ узнать о томъ своего толмача, которому велѣно объявить Китайцамъ, что Русскіе желаютъ толковать о границахъ мирно, а если Китайцы не хотятъ болѣе говорить, то прислали бы письменное увѣдомленіе. Китайцы отвѣчали, что до письменнаго объясненія имъ нѣтъ дѣла, но отъ требованій своихъ не отступятся; если же русской посолъ тѣмъ не доволенъ, то далъ бы отвѣтъ сей же ночи, далѣе они ждать не хотятъ.

По утру поднялся весь китайскій лагерь, войско окружило Нерчинскъ и по горамъ дѣлало большое движеніе въ виду Русскихъ.

Хотя съ посольствомъ было войско до полутора тысячъ, но Головинъ растерялся: въ это время Монголы онготскаго рода, обитавшіе по рѣкѣ Нерчѣ и недавно присоединенные къ Россіи, вдругъ передались Китайцамъ въ числѣ 2,700 человѣкъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ окольничій рѣшился на уступку: онъ послалъ къ Китайцамъ сказать, что соглашается на ихъ предложенія.

Три дня шли переговоры. Китайцы, видя нашу уступчивость, усилили требованія свои: вмѣсто прежнихъ границъ по хребту, идущему къ Охотскому морю, они назначили вѣтвь его, идущую къ сѣверу къ рѣкѣ Анадыру и въ Чукотской носъ. Головинъ не отвѣчалъ на это безразсудное предложеніе. Іезуиты же представили китайскимъ посламъ о несообразности требованія. Они объяснили, что отъ Пекина до Чукотскаго носа, по прямой линіи, будетъ болѣе 10,000 *ли* и на такомъ пространствѣ нѣтъ возможности охранять границъ. Китайскіе послы отступились отъ своего требованія, и наконецъ 27 августа 1689 года совершенъ слѣдующій трактатъ:

«Божіею милостію Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, ихъ Царскаго Величества великіе и полномочные послы Ближней Окольничій и Намѣстникъ Брянской Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, Стольникъ и Намѣстникъ Елатомскій Иванъ Остафьевичъ Власовъ, Дьякъ Семенъ Корницкой, будучи на посольскихъ

съѣздахъ близъ Нерчинска великихъ Азіятскихъ странъ повелителя, Монарха Самовластнѣйшаго межъ премудрѣйшими вельможи Богдайскими, закона управителя, дѣлъ общества народа Китайскаго хранителя и славы, настоящаго Богдойскаго и Китайскаго Богдыханова Высочества съ великими послы Самгута, надворныхъ войскъ съ начальникомъ и внутреннія палаты съ Воеводою, Царства Совѣтникомъ Дастумке Камомъ, внутреннія жъ палаты съ Воеводою перваго чину Княземъ и Ханскаго знамени съ Господиномъ, и Ханскимъ дядею Иламтомъ, одного жъ знамени Господиномъ и протчими постановили, и сими договорными статьями утвердили:

«1. Рѣка именемъ Горбица, которая впадаетъ, идучи внизъ, въ рѣку Шилку съ лѣвыя стороны, близъ рѣки *Черной**, рубежъ между обоими Государствы постановить; такожде отъ вершины тоя рѣки каменными горами, которыя начинаются отъ той вершины рѣки и по самымъ тѣхъ горъ вершинамъ, даже до моря протягненныхъ, обоихъ Государствъ державу тако раздѣлить, яко всѣмъ рѣкамъ малымъ или великимъ, которыя съ полудневныя стороны съ ихъ горъ впадаютъ въ рѣку Амуръ, быти подъ владѣніемъ Хинскаго Государства; такожде всѣмъ рѣкамъ, которыя съ другія стороны тѣхъ горъ идутъ, тѣмъ быти подъ державою Царскаго Величества Россійскаго Государства; протчія жъ рѣки, которыя лежатъ въ срединѣ межъ рѣкою Удью подъ Россійскаго Государства владѣніемъ и межъ ограниченными горами, которыя содержатся близъ Амура владѣнія Хинскаго Государства и впадаютъ въ море, и всякія земли посреди сущія межъ тою вышепомянутою рѣкою Удью и межъ горами, которыя до границы надлежатъ, неограничены нынѣ да пребываютъ, понеже на оныя земли разграниченіе великіе и полномочные послы, неимѣюще указу Царскаго Величества, отлагаютъ неограничены до инаго благополучнаго времени, въ которомъ при возвращеніи съ обѣихъ сторонъ пословъ Царское Величество изволитъ и Богдыханово Высочество похочетъ о томъ обослатися послы или посланники любительными пе-

* Вѣроятно Амуръ, который на китайскомъ, манжурскомъ и монгольскомъ языкахъ называется Черною рѣкою.

ресылки, и тогда или чрезъ грамоты, или чрезъ пословъ тыя назначенныя неограниченныя земли покойными и пристойными случаи успокоити и разграничити могутъ.

«2. Такожде рѣка, реченная Аргунь, которая въ рѣку Амуръ впадаетъ, границу постановить тако, яко всѣмъ землямъ, которыя суть стороны лѣвыя, идучи тою рѣкою до самыхъ вершинъ, подъ владѣніемъ Хинскаго Хана да содержатся, правая сторона такожде всѣ земли да содержатся въ сторонѣ Царскаго Величества Россійскаго Государства и все строеніе съ полудневныя стороны той рѣки Аргуни снесть на другую сторону тоя жъ рѣки.

«3. Городъ Албазинъ, которой построенъ былъ съ стороны Царскаго Величества, разорить до основанія, и тамо пребывающіе люди со всѣми при нихъ будущими воинскими и иными припасы да изведены будутъ въ сторону Царскаго Величества и ни малаго убытка или какихъ малыхъ вещей отъ нихъ тамо оставлено будетъ.

«4. Бѣглецы, которые до сего мирнаго постановленія какъ съ стороны Царскаго Величества, такъ и съ стороны Богдыханова Высочества были: и тѣмъ перебѣжчикамъ быть въ обѣихъ сторонахъ безрозмѣнно; а которые послѣ сего постановленнаго мира перебѣгати будутъ, и такихъ бѣглецовъ безъ всякаго умедленія отсылати съ обѣихъ сторонъ безъ замедленія къ пограничнымъ Воеводамъ.

«5. Какимъ либо ни есть людемъ съ проѣзжими грамотами изъ обѣихъ сторонъ для нынѣшнія начатыя дружбы для своихъ дѣлъ въ обѣихъ сторонахъ пріѣзжати и отъѣзжати до обоихъ Государствъ добровольно, и покупать, и продавать, что имъ надобно да повелѣно будетъ.

«6. Прежде будущія какія ни есть ссоры межъ порубежными жители до сего постановленнаго мира были и тѣмъ ссорамъ быти немстительнымъ и непамятнымъ; а если съ сего постановленнаго мира для какихъ промысловъ обоихъ Государствъ промышленные люди преходити будутъ и разбой или убивство учинятъ: и такихъ людей поимавъ, присылать въ тѣ стороны, изъ которыхъ они будутъ въ порубежные городы къ Воеводамъ, а имъ за то

чинить казнь жестокую; будетъ же соединясь многолюдствомъ и учинятъ такое вышеписанное воровство, и такихъ своевольниковъ переловя, отсылать къ порубежнымъ Воеводамъ, а имъ за то чинить смертная казнь; а войны и кровопролитія съ обѣихъ сторонъ для такихъ причинъ и за самыя пограничныхъ людей преступки не всчинять, а о такихъ ссорахъ писать, изъ которыя стороны то воровство будетъ, обѣихъ сторонъ къ Государемъ и розрывати тѣ ссоры любительными посольскими пересылки.

«7. Противу сихъ постановленныхъ о границѣ посольскими договоры статей, если похочетъ Богдыханово Высочество поставить отъ себя при границахъ для памяти какіе признаки и подписать на нихъ сіи статьи, и то отдаемъ мы на волю Богдыханова Высочества. Данъ на границахъ Царскаго Величества, въ Даурской землѣ при Нерчинскѣ, лѣта 1689, Августа 27 дня.»

Для утвержденія и подписанія трактата собрались посланники въ нашу ставку. Трактатъ былъ подписанъ, печати приложены и утвержденъ клятвою съ обѣихъ сторонъ. Китайцы хотѣли было клясться передъ образомъ Спасителя, однако жъ наши на то не согласились, *дабы Христіанство не давать язычникамъ въ поруганіе*. Послѣ клятвы перемѣнились трактатами: нашъ былъ написанъ по-русски, а китайскій по-манжурски. Латинскій переводъ подписанъ былъ обѣими сторонами и размѣнянъ въ двухъ экземплярахъ одинаковаго содержанія. Послы обнялись при звукахъ трубъ и литавръ. Наши подчивали Китайцевъ винами и закусками; гости разъѣхались ночью.

На другой день посланники дарили другъ-друга, а на завтра Китайцы отправились въ путь. Бейтонъ очистилъ Албазинъ и пришелъ въ Нерчинскъ, а Манжуры, возвращаясь по Амуру во-свояси, сожгли въ Албазинѣ все строеніе.

Такимъ образомъ подвиги на Амурѣ Хабарова и Степанова сдѣлались безполезными кровопролитіями. Мы потеряли страну, которою владѣли 40 лѣтъ, потеряли рѣку, соединяющую весь забайкалскій край съ Восточнымъ океаномъ и лишились чрезъ то важныхъ выгодъ.

Потомки могутъ судить о предкахъ своихъ по однимъ фак-

тамъ, безмолвнымъ свидѣтелямъ прошедшаго, постороннія обстоятельства, иногда весьма важныя, ускользаютъ изъ-подъ канцелярскаго пера. Мы видѣли, что посольство наше сдѣлало первую ошибку въ томъ, что не назначило Албазина мѣстомъ переговоровъ, но предложило на волю Китайцамъ избрать это мѣсто, а тѣмъ уже нѣкоторымъ образомъ подчинило себя ихъ капризамъ. Посольство спохватилось о томъ, да поздно. Наши дипломаты не знали азіатскихъ обычаевъ и правила: «проси больше, дадутъ то что тебѣ нужно». Китайцы въ первыхъ переговорахъ назначили границами Байкалъ единственно потому, чтобъ можно было уступить; напротивъ Русскіе, назначившіе съ первыхъ словъ рѣку Амуръ, не подумали что и имъ должно чѣмъ-нибудь пожертвовать; а потому когда уступка съ нашей стороны оказалась неизбѣжною, мы должны были отказаться отъ своихъ уже владѣній, отдать всю рѣку Амуръ, которая никогда не принадлежала Манжуріи, собственно отъ начала до устья. Народы, обитавшіе по этой рѣкѣ, не всѣ платили ясакъ манжурскому шамшакану, наприм.: князь Гантимуръ, обитавшій гдѣ-то около устья рѣки Джи, не признавалъ власти Манжуровъ и потомъ перекочевалъ къ намъ съ 500 своихъ подданныхъ. Гиляки, обитающіе на устьѣ Амура ни прежде, ни нынче не признаютъ китайской власти.

Можетъ-быть мы будемъ оправдывать посланника Головина и тѣмъ, что онъ, имѣя только 15,000 человѣкъ, окруженъ былъ 15,000 Манжуровъ. Правда численный перевѣсъ былъ на сторонѣ Китайцевъ, но у посланника было регулярное войско съ пушками и ружьями. Мы помнимъ, что Хабаровъ съ двумя сотнями Русскихъ разбилъ 2,000 Манжуровъ, имѣвшихъ ружья, что Степановъ не болѣе какъ съ 500 отразилъ десяти-тысячный корпусъ Манжуровъ, вооруженный пятнадцатью пушками. Нашъ прадѣдушка Головинъ былъ дипломатъ, а не воинъ. 15,000 Манжуровъ разбѣжались бы послѣ десяти удачныхъ выстрѣловъ изъ нашей артиллеріи, а остальное кончила бы вылазка.

Головинъ согласился на всѣ статьи, предложенныя ему Китайцами.

Отказавшись отъ Амура, онъ принялъ за границу какія-то каменныя горы, идущія на востокъ. Но всякой знаетъ, что въ такой гористой странѣ, какова Сибирь, трудно опредѣлить направленіе горъ. Такъ вышло и въ самомъ дѣлѣ: теперь ни мы, ни подданные богда-хана не знаютъ черты, раздѣляющей два государства на пространствѣ отъ Горбицы до Охотскаго моря. Хорошо еще что рѣдкая тамошняя населенность не подаетъ случая къ ссорамъ за переходы, и Тунгусы, не обращая никакого вниманія на границу, кочуютъ по-прежнему съ рѣчки на рѣчку и платятъ ясакъ тѣмъ сборщикамъ, на которыхъ нападутъ.

Трактатъ, подписанный Головинымъ, два раза былъ измѣняемъ послѣ него, но дѣло шло уже не объ Дауріи, а о торговлѣ и перебѣжчикахъ.

Китайцы, желая увѣковѣчить столь выгодный для нихъ договоръ, вырѣзали его на каменномъ столбѣ, стоящемъ въ началѣ ихъ владѣнія на Амурѣ. Этотъ договоръ совершенно переиначенъ рукою неопытнаго рѣщика въ пользу Россіи. Въ подлинникѣ сказано, что вся рѣкѣ и рѣчки, текущія отъ Каменнаго хребта на *сѣверъ* принадлежатъ Россіи, а на столбѣ вырѣзано: всѣ рѣки, текущія на *югъ*, принадлежатъ Россіи. До-сихъ-поръ Китайцы не замѣтили этой ошибки, а она можетъ сдѣлаться когда-нибудь важною.

Правительство наше, кажется, не роптало на Головина, да и некому было; Петръ царствовалъ тогда съ братомъ своимъ Іоанномъ при вліяніи Софіи. Головинъ занималъ юнаго Монарха разсказами о Сибири и Китайцахъ. Важность потери нашего сообщенія съ Восточнымъ океаномъ тогда не была видима, государство потеряло только новое сибирское царство, а Сибиряки сожалѣли о благословенныхъ странахъ на рѣкѣ Амурѣ и твердили, что рано или поздно, а рѣка эта будетъ нашею. Но спустя цѣлое столѣтіе, нужда свободнаго плаванія по этой рѣкѣ сдѣлалась существенною. Мы построили два порта на Восточномъ океанѣ, въ Охотскѣ и Камчаткѣ, туда заведено войско, но довольствовать его провіантомъ не имѣли возможности ни Якутскъ, ни Охотскъ, ни Камчатка. Хлѣбъ тамъ рѣшительно не родится, не смотря

на постоянные опыты земледѣлія. Въ это же время американская наша компанія завела селенія на сѣверозападномъ берегу Америки и по островамъ Алеутскимъ. Хлѣбъ для продовольствія всего сѣвера и сѣверовостока идетъ съ вершинъ рѣки Лены. До Якутска плавятъ его водою, а отсюда на вьючныхъ лошадяхъ перевозятъ по худой дорогѣ въ Охотскъ. Но эта перевозка сопряжена съ большими тратами и хлѣбъ дорого продается въ Охотскѣ, Камчаткѣ и Америкѣ.

Но если бы рѣка Амуръ принадлежала нам, половина этихъ затрудненій уничтожилась бы. Вся система рѣкъ, составляющая Амуръ, протекаетъ по странамъ хлѣбороднѣйшимъ и ботатымъ скотомъ. Вмѣсто теперешняго Охотска, который существуетъ единственно для Камчатки, мы построили бы портъ при устьѣ рѣки Амура. Барки и плоты, нагруженные хлѣбомъ, и пожалуй живымъ скотомъ, спускались бы по Ингодѣ, Шилькѣ, Аргуни и Онону въ Амуръ и достигали бы амурскаго порта. Здѣсь перегружали бы ихъ на суда и моремъ доставляли бы въ Камчатку и американскія селенія. Забайкалскій край получилъ бы новый сбытъ своимъ произведеніямъ, а Камчатка и колоніи не стали бы нуждаться въ хлѣбѣ и платить за него высокую цѣну.

Кромѣ этого мы давно бы поладили съ Японіею и открыли бы туда сбытъ своихъ произведеній, получая въ замѣнъ что намъ нужно. Проэктъ о возвращеніи Амура может когданибудь осуществиться, и Китайцы будутъ обязаны сдѣлать его неутральною рѣкою, для блага обоихъ государствъ.

Впрочемъ мы имѣемъ полное право возвратить Гиляковъ, обитающихъ при устьѣ Амура и по берегамъ Охотскаго моря. Они долго принадлежали намъ и платили дань, но забыты послѣ неудачъ нашихъ на Амурѣ и теперь не принадлежатъ ни намъ, ни Китаю.

Вотъ очеркъ дѣяній нашихъ предковъ на рѣкѣ Амурѣ; онъ не сдѣлаетъ пятна нашей славѣ, не замараетъ страницъ нашей исторіи, но выводитъ на сцену героевъ, о которыхъ къ стыду мы и не знали. Предѣлы журнальной статьи заключи-

ли насъ въ тѣсную раму и мы должны были, при изобиліи матеріаловъ, дѣлать одни абрисы съ едва замѣтными оттѣнками. Подвиги нашихъ предковъ на Амурѣ требуютъ отдѣльной исторіи, факты для нея хранятся въ бумагахъ бывшаго сибирскаго приказа въ Москвѣ. Ими пользовался трудолюбивый Миллеръ, но кому они достались послѣ исторіографа, неизвѣстно. Ревнитель русской славы отыщетъ ихъ когда-нибудь и покажетъ Европѣ, что еще во времена Царей, предки наши отличались такими добродѣтелями, которыя теперь показались бы выдумками, если бы остатки ихъ не сохранились въ первобытной чистотѣ внутри Имперіи.

Не знающіе подумаютъ: если Китайцы, живущіе на Кяхтѣ, прочитаютъ эту статью, то могутъ произойдти худые толки. Изъ Китайцевъ, торгующихъ на Кяхтѣ, ни одинъ не умѣетъ и не хочетъ умѣть читать по-русски. Они не знаютъ даже настоящаго русскаго языка, но объясняются на какомъ-то варварскомъ языкѣ, передѣланномъ изъ русскаго. Они ни сколько не заботятся узнать: какъ разумѣютъ ихъ Русскіе и что объ нихъ толкуютъ въ Европѣ. Размышляя о Китаѣ, не должно мѣрять его европейскимъ аршиномъ: тамъ все на выворотъ противъ нашего.

Н. ЩУКИНЪ.